

ГРЕНГАМСКОЕ СРАЖЕНИЕ 27 ИЮЛЯ 1720 г. (ПО НОВЫМ ДАННЫМ)

7 августа петербургский, 18 августа 1720 г. московский выпуск газеты «Ведомости» возвести России и остальной Европе о произошедшей 27 июля, спустя ровно 6 лет после «преславной виктории» у Гангутского полуострова, новой победе российского галерного флота над шведами. Обнародованная «Реляция» воспроизводила с некоторой редакторской правкой донесение командовавшего гребно-парусной флотилией генерала М.М. Голицына Петру I от 31 июля 1720 г. В заключение издатель добавлял: «Итак, с помощью Божиею полная виктория над неприятелем получена...»¹ В «Историю Свейской войны», готовившуюся для печати под редакцией Петра I, был включен текст московского выпуска «Ведомостей» от 18 августа 1720 г.² вместе с прилагавшимся к реляции «Реестром» захваченного в сражении на 4 плененных фрегатах и потерь шведов и россиян в людях³.

Сражение 27 июля 1720 г. именуется в шведской историографии по месту, где оно произошло, обычно баталией у острова Флисе или же близ Ледсунда. В России во времена Петра I определенное наименование для сражения еще не установилось. Баталия называлась по-разному по какой-либо географической привязке, иногда довольно удаленной от места боя: у (горы) Флисеберга (или «Фрисберга»), при Ламеланде – так тогда именовали один из самых больших островов Аландского архипелага Лемланд, «при острове Ризазран» или же «при Гренгаме». Немаловажную роль в утверждении современного названия сражения сыграл, надо полагать, заголовок «Баталия при Гренгаме июля 27 1720», помещенный на картуше посвященной ему гравюры, выполненной А.Ф. Зубовым по заказу правительства в

конце 1720 – начале 1721 гг.⁴ С конца XVIII в. в российской исторической традиции и народном сознании за баталией 27 июля 1720 г. твердо закрепилось название «Гренгамская» по русскому наименованию островка Гранхамнскольм, расположенного примерно в 3 км от собственно места баталии. С плеса, выбранного М.М. Голицыным для безопасной от непогоды стоянки на якорях своей флотилии, отделенного от обширного пространства Фегле-фиорда цепью небольших островков, наиболее удаленный из которых от места сражения как раз Гренгам, был только лишь начат отступательный маневр к уходящему в шхеры проливу Флиесунд, разделяющему урочище гора Флисеберг и остров Бренде, вблизи входа в который и состоялась баталия. В печатных трудах последней трети XVIII в. сражение 27 июля 1720 г. уже именуется случившимся при Гренгаме. Так, сербский автор З. Орфелин называет его произошедшим «при Греинхаме»⁵. И.И. Голиков также полагал, что главные события баталии разыгрались в непосредственной близости от Гренгама («при острове Грейгаме») ⁶. Именно после выхода в свет названных печатных трудов за морским сражением 27 июля 1720 г. в отечественной литературе начало закрепляться наименование «Гренгамское», прочно вошедшее в последующем в отечественную историографию.

И.И. Голиков – автор первого печатного исследования о Гренгамской баталии в отечественной историографии. Его очерк сражения близ Гренгама краток, является незначительным фрагментом много томного труда о государственной деятельности Петра Великого, но автору удалось дать весьма достоверную картину баталии. Историк опирался на надежные отечественные источники: опубликованный в 1770 г. текст «Истории Свейской войны» и некий неизвестный ныне журнал князя Голицына со сведениями за 1720 г., а также сослался на напечатанное на русском языке сочинение З. Орфелина⁷. Использование названного журнала князя Голицына придает сочинению И. И. Голикова значение важнейшего источника по воссозданию общей картины и подробностей столь славной для русского оружия морской баталии. Ведение военно-походного журнала входило в круг непрременных обязанностей одного из лиц свиты генерала, и подобного же рода походный дневник М.М. Голицына в потертом кожаном переплете, содержащий сведения за 1716–1718 гг., выявлен в архиве⁸.

Неоднозначную оценку следует дать первому в отечественной историографии отдельному труду о Гренгамском сражении, вышед-

шему за подписью В.Н. Берха⁹. Сам историк упомянул, что пользовался несохранившейся рукописью адмирала А.И. Нагаева (1704–1781), жизнеописанием адмирала И.М. Головина (1672–1737) и архивной российской ведомостью с характеристиками плененных у шведов кораблей, датированной 1723 г.¹⁰ В исторической литературе давно отмечается, что публикации В.Н. Берха по российской военно-морской истории – «сознательный плагиат», что, по существу, они представляют собой лишь незначительную переделку трудов выдающегося историка отечественного флота А.И. Нагаева, поныне остающегося в тени в связи с тем обстоятельством, что соответствующие сочинения его не были своевременно опубликованы¹¹. По всей вероятности, степень «самостоятельности» В.Н. Берха невысока и в его статье о Гренгамской баталии.

Как бы то ни было, не касаясь вопроса о фактическом авторстве изданной В.Н. Берхом статьи, следует подчеркнуть, что эта исследовательская работа содержит ряд ошибок в описании сражения. Неверно указано артиллерийское вооружение взятых в ходе баталии шведских фрегатов; на имеющемся в статье плане показано, что с русской стороны в бою приняли самое деятельное участие островские лодки, которые якобы впереди галер абордировали неприятельские фрегаты и атаковали линейный корабль; само же сражение В.Н. Берх, как и И.И. Голиков, считал произошедшим непосредственно у островка Гренгам.

Историк российского флота А.П. Соколов описал сражение, придерживаясь главным образом его изложения в «Истории Свейской войны»¹².

Документальная основа для исследования Гренгамского сражения существенно расширилась с выходом из печати в 1865 г. обширной подборки архивных документов в «Материалах для истории русского флота», подготовленных к публикации под руководством С.И. Елагина¹³. Именно на базе этих первоисточников создал очерк баталии известный историк петровского флота Ф.Ф. Веселаго¹⁴. Этот труд, по сути, стал в последующей отечественной историографии основой для традиционного изложения событий знаменитого сражения 1720 г. Историки конца XIX и XX столетий без заметных новаций следовали событийной схеме баталии в трактовке Ф.Ф. Веселаго.

Возрождение интереса к Гренгамскому сражению 1720 г. обозначилось с рубежа 30-х и 40-х гг. XX в. Оно было вызвано в конечном счете поворотом руководства страны от космополитических утопий

к государственно-патриотической доктрине во внутренней и внешней политике. Приближение театров военных действий второй мировой войны к границам государства, патриотический подъем народа во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы способствовали исследованию ярких побед петровского флота. О Гренгамском сражении в 40-е гг. писали Г.А. Богуславский, Б.С. Тельпуховский, Е.В. Тарле¹⁵. Их разработки по истории победы 27 июля 1720 г., однако, не вводили в научный оборот новых материалов и выводов. В 50-е гг. С.Д. Осокин, опираясь на опубликованные отечественные источники, уделил особое внимание изучению тактики русского галерного флота в состоявшемся боевом столкновении¹⁶; внешнеполитические последствия Гренгамской победы исследовались С.А. Фейгиной¹⁷; ход сражения 27 июля 1720 г. рассматривался авторами «Описания к картам» Морского атласа¹⁸, а позднее по накатанной событийной схеме – в коллективном труде «История Северной войны 1700–1721 гг.», в книгах В.Д. Доценко¹⁹ и книге В.А. Золотарева и И.А. Козлова²⁰.

Завершая обзор отечественной историографии Гренгамской баталии, следует отметить застой в ее развитии в XX столетии. Исследователи вплоть до конца прошедшего века не привлекли к анализу новых материалов из архивов. Не было попыток ввести в научный оборот и проанализировать сведения о сражении, имеющиеся в шведской исторической литературе. Отсутствовало, по существу, исследование, в котором были бы четко обозначены белые пятна в изучении баталии, критически анализировались бы расхождения во взглядах на некоторые обстоятельства сражения.

Попытку по-новому подойти ко многим элементам устоявшейся событийной канвы знаменитой баталии сделал автор настоящей обобщающей статьи. В ряде публикаций, вышедших на грани XX и XXI столетий, были введены в научный оборот и проанализированы новые источники из архивохранилищ Петербурга и Москвы, проведено сравнительное изучение русской и шведской историографических версий баталии, выявлены некоторые ранее не использовавшиеся исследователями иностранные источники²¹.

Морская баталия 27 июля 1720 г. имеет долгую историю изучения и в зарубежной, в первую очередь шведской, историографии. Основа шведской версии Гренгамского сражения была заложена непосредственно после того, как оно произошло, пропагандистским аппаратом королевства. Выходивший в Люксембурге ежемесячник сообщал

читателям: «Реляция, которая появилась в Стокгольме об этом сражении, очень расходится с теми, которые были опубликованы в Москве; последние говорят об этом деле, как полной победе»²². Выпущена была и гравюра, изображающая решительную атаку шведской эскадры вице-адмирала К.Г. Шеблада против приготовившихся к отпору сил россиян, в составе которых показаны не только галеры, но и отсутствовавшие в ней мощные суда корабельного флота²³. Сербский историк века Просвещения З. Орфелин, использовавший в своем сочинении о Петровской России огромный материал европейской периодики XVIII в., заключил, что «акцию... при Грейнхаме» 27 июля 1720 г. «прогласили шведы весьма инако, нежели как она в самой истине была»²⁴.

Исследователь шведской военно-морской истории К.А. Юлленгранат обратился к данным архивов (численность вооруженных в 1720 г. шведских кораблей, их действия, письмо К.Г. Шеблада королю Фредрику I после баталии и др.)²⁵, но, как и в сочинении пехотного офицера Ю. Манкелля²⁶, ход сражения показан ими на основе шведской пропагандистской версии 1720 г. Новые источники из архивохранилищ Швеции (прежде всего подробные списки флота) ввел в научный оборот в своем исследовании Х. Врангель²⁷. Р.Ч. Андерсон попытался, сопоставляя «русскую версию» Гренгамского сражения²⁸ со «шведской» (К.А. Юлленгранат, Ю. Манкелль), решить, каким же оно было в действительности. Существенно ограничило его возможности то, что он не мог обратиться к материалам российских архивов.

Заметное продвижение вперед в шведскоязычной историографии Гренгамского сражения – труды Х. Тегенгрена и Э. Хурнборга, которые извлекли и проанализировали новые материалы из Шведского государственного архива и сопоставляли данные шведской и русской историографии²⁹. Изложение хода сражения флотилий К.Г. Шеблада и М.М. Голицына в «Истории шведского флота», напротив, идет по традиционной «пропагандистской» шведской схеме³⁰. Современный аландский шведскоязычный историк С. Дрейер учел данные подводных исследований на месте сражения, но в его очерке противоречия русской и шведской версий баталии остались без критического сопоставления³¹.

Итак, обратимся к историографическим мифам и реальным фактам в истории Гренгамского сражения.

Во-первых, каковы были численность и состав русской и шведской эскадр в боевом столкновении 27 июля 1720 г., завершившемся блестящей победой российского оружия на море?

Генерал М.М. Голицын, командовавший тогда русскими войсками и галерным флотом в Финляндии, написал 2 июля 1720 г. от местечка Похья (швед. Пойо; рус. Кирка Пой, Пой-кирка), расположенного в глубине залива Пойо, омывающего Гангутский полуостров с востока, и находящегося на полпути прибрежного тракта от Гельсингфорса к Або (по-фински Турку) – столицы Великого княжества Финляндского, генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину, что в Аландских островах появился неприятель «в великом числе галер»³². Сообщивший эти сведения царю генерал-адмирал получил указ Петра I писать М.М. Голицыну, чтобы он «немедленно с пятидесят или больше галер» вышел в море лично или отправил бы генерал-майора П.П. Ласи, чтобы «ис показанного места неприятеля выбить и счастливой поиск [что дай Боже] учинить... по лутчему своему разсуждению»³³.

Письмо с изложением указа царя Ф.М. Апраксин отправил М.М. Голицыну 8 июля³⁴. Уточняя ранее отосланные сведения, в письме генерал-адмиралу от 11 июля 1720 г. М.М. Голицын в свою очередь уведомлял, что неприятельские суда, по имеющимся у него данным, находятся только в двух ближайших местах: у острова Лемланд в юго-восточной оконечности Аландского архипелага и у острова Корпо, от которого расходились водные пути к Або, в Ботнический залив, к Гангуту и Лемланду³⁵. Вблизи острова Корпо, по словам «посланных мужиков», появились 8 шведских галер, несколько бригантин и шхерботов³⁶. Впрочем, как в тот же день М.М. Голицын писал Петру I, «чрез обывателей никогда ничего ведать не можем, ибо они ненадежны»³⁷. Цель предстоявшего похода в шхеры Аландских островов М.М. Голицын в письме генерал-адмиралу, отправленном от Кирки Пой 22 июля 1720 г., излагал следующим образом: «...по указу вашего сиятельства ... пойду и буду неприятеля искать, чтоб ис тех мест, где явился, выбить, и з Божию помощью искать поиск...»³⁸

Ф.Ф. Веселаго на основании опубликованного письма М.М. Голицына от 31 июля 1720 г. заключил, что в сражении при Гренгаме участвовала 61 российская галера³⁹. Вслед за авторитетным историком так определяли количество галер с русской стороны в баталии 27 июля 1720 г. Г.А. Богуславский, Б.С. Тельпуховский, С.Д. Осокин, С.А. Фейгина, авторы «Истории Северной войны 1700–1721 гг.», В.Д. Доценко, Х. Тегенгрэн, Э. Хурнборг, С. Дрейер⁴⁰. Иная позиция лишь у авторов «Описания к картам» Морского атласа: эскадра М.М. Голицына насчитывала 52 галеры и 14 островских лодок⁴¹.

Действительно, в «Екстракте о службах» М.М. Голицын сообщал, что 22 июля «от кирхи Поя по указу пошел на Олант в 61 галере да в 29 лотках островских»⁴². Однако в донесении Ф.М. Апраксину от 31 июля и в названном «Екстракте» М.М. Голицын писал, что 24 июля прибыл к острову Бергшер (Беркскер), откуда послал «по абовскому курсу» к острову Корпо из своих сил полковника И. Стрекалова с 9 галерами и 15 островскими лодками с целью выяснить, нет ли там неприятельских судов⁴³. На следующий день, 25 июля, М.М. Голицын с остальной частью флотилии, «в 52 галерах и в 14 лот[ках] островских», продолжил путь к Лемланду⁴⁴. Об отделении от главных сил М.М. Голицына 24 июля отряда И. Стрекалова писали И.И. Голиков и А.П. Соколов⁴⁵. Снова с отрядом И. Стрекалова М.М. Голицын соединился, уже возвращаясь после одержанной победы⁴⁶.

Таким образом, господствующая в литературе точка зрения Ф.Ф. Веселаго о 61 российской галере, участвовавшей в сражении, несостоятельна: в распоряжении М.М. Голицына 27 июля 1720 г. были 52 галеры и 14 островских лодок.

За день до выхода в море галерного флота М.М. Голицына, 21 июля, из главных сил шведского флота, стоявших у острова Капельшер на шхерном фарватере, ведущем к Стокгольму, адмирал К.Х. Вактмейстер отрядил к острову Аланд для сбора разведывательных данных, промера глубин и установки вех на фарватере эскадры капитан-командора Э. Шеблада⁴⁷. Под командованием Э. Шеблада, державшего свой флаг на галере «Пеликан», насколько можно судить из показаний служившего на ней же капитана флота Я. Сейдера и штык-юнкера артиллерии с фрегата «Кискин» Н. Буна, находились фрегаты «Анклам», «Кискин», вооруженные купеческие суда «Лилла Феникс» и «Пакан»⁴⁸, 4 галеры, бригантина «Экоррен», 3 шхербота, 2 дубель-шлюпки и провиантский галиот⁴⁹.

По показаниям Н. Буна, передовые суда эскадры Э. Шеблада – «Кискин», «Лилла Феникс», «Пакан», бригантина, 2 шхербота, 4 галеры и провиантский галиот – продвинулись из Фегле-фиорда по узкому корабельному фарватеру, ведущему к Або, мимо горы Флисеберг – возвышенной северной части одноименного острова – далее к гавани Дегербю⁵⁰ – закрытому со всех сторон от ветров якорному месту у одноименной деревни на берегу острова Дегере; другие же суда остались в глубоководном Фегле-фиорде у начала мелей при входе в идущий в шхеры пролив Флисесунд близ горы Флисеберг⁵¹.

На пятый день после отправления эскадры, 26 июля, адмирал К.Х. Вактмейстер получил от Э. Шеблада донесение, что им замечены 8 неприятельских галер, несколько дубель-шлюпок (то есть, по видимому, островских лодок) и некий прам у горы Флисеберг⁵². Как свидетельствовал Н. Блун, Э. Шеблад послал донесение о приходе русских гребно-парусных судов сразу же после того, как сам получил 25 июля известие об этом с дозорной галеры⁵³, стоявшей близ северо-восточной оконечности горы Флисеберг у острова Рисэран⁵⁴. То же сообщил и Я. Сейдер⁵⁵.

Разведывательный отряд русских галер, отправленный вперед от главных сил М.М. Голицыным 25 июля 1720 г. под командованием капитан-командора галерного флота Я.А. Держимона обнаружил уже «близко к ночи» на пути, по которому предстояло идти русской флотилии, у острова Рисаэран «галеру шведскую, стоящую на карауле». Появление россиян заметили и на сторожевой шведской галере: «...палили для сигнала из пушки 6 раз...», после чего «оная галера взяла с того места ретираду»⁵⁶.

Русские галеры шли, следовательно, сложным мелководным фарватером между островом Дегере и лежащими к югу от него островами Фегле и Флисе. Своевременно обнаружив приближение российских галер, Э. Шеблад отвел суда своей эскадры от Дегербю в воды Фегле-фиорда близ горы Флисеберг, а в первой половине дня 27 июля, по наблюдениям М.М. Голицына, наиболее крупный корабль эскадры (то есть «Анклам») «выбуксировали галерами за пролив (Фегле-фиорд. – П.К.) и за ламеланскую косу» – южный выступ острова Лемланд⁵⁷.

Стало быть, в середине дня 27 июля эскадра Э. Шеблада занимала удобное для дальнейшего отступления место за проливом Ледсунд у южной оконечности Лемланда, откуда начинается открытое морское пространство Аландш-гафа, отделяющего собственно Швецию от Аландского архипелага. М.М. Голицын писал, что во время отхода шведской эскадры 26 июля атаковать ее помешал встречный юго-западный ветер («погода была зюйд-вест, и за оной обордировать их не допустило»)⁵⁸. Сменившийся 27 июля на зюйд-зюйд-вест свежий ветер продолжал препятствовать наступательным действиям российских галер⁵⁹, укрывавшихся за горой Флисеберг.

Созванный 27 июля М.М. Голицыным военный совет признал целесообразным перейти из гавани за горой Флисеберг ближе к неприятельской эскадре вдоль восточного края Фегле-фиорда в гавань,

образуемую берегом острова Флисе и островками Редшер и Гранхамнскольм (Гренгам). Там, на гренгамском плесе, можно было дожидаться, когда утихнет ветер, чтобы, по словам М.М. Голицына, «оттуда в тихую погоду вышеозначенные суды обордировать»⁶⁰.

Намеченный переход российских галер к Гренгаму, по сути, лишь в небольшой степени увеличивал надежду настигнуть шведскую эскадру. Предстояло, как отмечал М.М. Голицын, ждать, когда погода будет тихая, и уповать, что «оня суда далече не уступят»⁶¹. Условия для победы над шведской эскадрой, на которую, по замечанию русского флотоводца, нельзя было и надеяться («невозможно было начеатца»⁶²), создала смелая и решительная атака шведами русских галер.

Кому же принадлежало решение о столь злополучной для шведов атаке русского галерного флота?

Ряд зарубежных историков утверждают, что адмирал К.Х. Вактмейстер, получив 26 июля донесение Э. Шеблада, отрядил из своих сил линейный корабль «Поммерн» и 2 фрегата под командованием вице-адмирала К.Г. Шеблада, старшего брата последнего, с устным приказом прикрыть отступление эскадры Э. Шеблада от Аландских островов⁶³.

Неизбежны вопросы: была ли необходимость вообще помогать в отходе от слабых российских сил из 8 галер, нескольких островских лодок и мифического прама, о появлении которых шведский адмирал получил 26 июля известие; зачем К.Х. Вактмейстер отрядил для такой несложной задачи линейный корабль и 2 фрегата во главе с вице-адмиралом; почему обязанный строго исполнять приказ К.Г. Шеблад еще на подходе к Аландским островам демонстрировал твердую решимость вступить в бой; чем объяснить, что возвратившийся после баталии с остатками шведской эскадры К.Г. Шеблад, как утверждал очевидец, наблюдавший вице-адмирала в начале августа 1720 г. в Ваксгольме – крепости на шхерном фарватере вблизи Стокгольма, лишь недолгое время находился «в лехком аресте» и вскоре ему была возвращена шпага⁶⁴?

Обнаружено авторитетное свидетельство: посланный навстречу К.Г. Шебладу для получения распоряжения, каким образом эскадре Э. Шеблада действовать перед лицом россиян, и взошедший на флагманский корабль вице-адмирала «в Аланш-гафе от Олонта с милю» (швед. миля – 10 км) капитан Я. Сейдер был, по его признанию, отправлен обратно с однозначным приказом, «чтоб все шли за ним (за К.Г. Шебладом. – П.К.) на обордирунг росиских галер»⁶⁵. Я. Сейдер

полагал, что без наличия такого приказа К.Х. Вактмейстера К.Г. Шеблад не отважился бы принять прямо противоположное ему решение – совершить нападение на русский гребно-парусный флот⁶⁶. Такого же мнения придерживались и допрошенные командир фрегата «Стор Феникс» капитан Х. Фегерштролле и поручик с захваченного же фрегата «Данск Эрн» Д. Колбе⁶⁷.

Наконец, выступивший в поход с линейным кораблем «Поммерн» (52 пуш.) и фрегатами «Эбенецер» (22 пуш.) и «Данск Эрн» (18 пуш.) вице-адмирал Шеблад присоединил по пути стоявшие у островка Седерарм, на границе шхер и Аланш-гафа, фрегаты «Стор Феникс» (34 пуш.) и «Венкер» (30 пуш.)⁶⁸, чем еще более усилил свою эскадру.

По утверждению поручика Д. Колбе, эскадра К.Г. Шеблада двинулась от островка Капельшер в путь в 9-м или 10-м часу утра 27 июля⁶⁹. Между Капельшером и урочищем Ландсорт – группой островков к югу от Лемланда, вблизи которого стояла эскадра Э. Шеблада, по прямой около 60 км. Как показывал капитан Х. Фегерштролле, эскадра вице-адмирала подошла к судам Э. Шеблада у Ландсорта в 5-м часу дня⁷⁰; по данным Х. Тегенгрена, Э. Хурнборга и С. Дрейера, практически тогда же – в 4 часа дня⁷¹.

Шведский флотоводец К.Г. Шеблад устремился со всеми своими кораблями на русский галерный флот с ходу, сразу же по прибытии к судам, которыми командовал его младший брат. Командир фрегата «Венкер» А. Фалкенгрэн говорил на допросе, что по приходе вице-адмирала К.Г. Шеблада в 5 парусах к судам эскадры Э. Шеблада, «со оными случась», пошли прямо «для обордирунгу» и поэтому он «вскорости не усмотрел» состава эскадры капитан-командора⁷². Поручик Д. Колбе также сказал, что после соединения с бывшими у Ландсорта шведскими судами не успел пересчитать их по той же причине: «по прибытии вскорости всех судов не усмотрел»⁷³. Приказ о начале атаки К.Г. Шеблад довел до командиров стоявших близ урочища Ландсорт шведских кораблей не с помощью рассыльных на шлюпках, но самыми быстрейшими способами: «...с виц-адмиралского карабля выполнено несколько выстрелов ис пушки, и пошел на обордирунг росиских галер, и с ево карабля кричали в трубу, чтоб шли на обордирунг»⁷⁴.

Есть весомые основания предположить, что и сам подошедший к Ландсарту шведский вице-адмирал «вскорости не усмотрел» общее количество русских галер, трудноразличимых на расстоянии около 15 км. Низкобортные галеры россиян под неудобным для наблюде-

ния шведам острым углом перешли из скрытой для зрительного осмотра стоянки за горой Флисеберг под берегом острова Флисе в опять-таки в значительной мере закрытую гавань за островками Редшер и Гренгам. При осуществлении этого маневра шведам затруднительно было разглядеть истинное число российских галер. Шведский же флотоводец на основании ранее полученных донесений, видимо, не предполагал большой численности русского флота. Что ситуация складывалась именно так, сказано в обстоятельном труде прослужившего во флоте Петра I около 10 лет, до 1722 г., офицера-англичанина Д. Дена: «Несколько шведских фрегатов... заметив лежащие разбросанно в разных местах среди островов и скал, которыми изобилуют эти берега, галеры, опрометчиво решились атаковать их в этом положении, но, лишь только они вошли в шхеры, остальные галеры, которые укрывались невдалеке, явились на помощь своим товарищам и окружили шведов со всех сторон»⁷⁵. Ссылаясь на слышанный им рассказ Петра I, голландский посланник В. де Вильде сообщал 8 августа 1720 г. на родину из Петербурга, что К.Г. Шеблад решился атаковать русских, «не предполагая силы их так значительными»⁷⁶. Немного, надо полагать, смог сообщить старшему брату вице-адмиралу и прибывший сразу же после прихода эскадры последнего в Ледсунд на борт флагманского корабля «Поммерн», с тем чтобы обрисовать положение, Э. Шеблад⁷⁷.

Изучение имеющихся материалов позволяет считать, что передвижение русских галер из пролива Флисесунд к Гренгаму завершилось как раз тогда, когда начался поход объединенной под командованием вице-адмирала Шеблада шведской эскадры от Ландсорта через Ледсунд и Фегле-фиорд в направлении Флисесунда. Расстояние от пролива Флисесунд до гавани у Гренгама и Редшера невелико (ок. 3 км). Эскадре К.Г. Шеблада предстояло проделать путь приблизительно в пять раз больший. М.М. Голицын написал об этом так: «Как мы в тое гавань стали, то оные суды и еще прибылые с виц-адмиралом Шеблат на парусах шли к нам в пролив, чего невозможно было начаетца; аднако ж для погоды имели уступить в прежнюю свою гавань, а оные за нами ж озардовали» («озардовать» – действовать наудачу, рисковать)⁷⁸, то есть когда российские галеры уже прибыли в отделенную от пролива островами гавань у Гренгама, шведские корабли еще только входили через Ледсунд в Фегле-фиорд.

Оценив изменение обстановки, М.М. Голицын отдал приказ галерам отходить «в прежнюю гавань Фрисберг»⁷⁹, то есть следовать вдоль

берега острова Флисе через пролив Флисесунд к безопасной якорной стоянке за горой Флисеберг. Таким образом, российский флотоводец в новой ситуации пожелал улучшить свою позицию, сохранив за собой возможный путь отступления – шхерный фарватер, идущий от Флисесунда к Або и Гангуту, опасаясь быть отрезанным от него атакующими шведскими судами. Очевидно также, что не склонный к риску М.М. Голицын в ходе отступательного маневра предполагал точнее установить величину усилившейся шведской эскадры и после этого определиться с дальнейшими действиями. Атаковать шведов М.М. Голицын тогда в любом случае не мог, по его словам, «для погоды»: дувший свежий ветер зюйд-зюйд-вест, попутный для шведов, и волнение не позволяли галерам двигаться на гребле навстречу приближающемуся неприятелю на открытом пространстве Фегле-фиорда⁸⁰. В книге И.И. Голикова, использовавшего, как было сказано, не дошедший до сего дня первоисточник – журнал князя Голицына, говорится еще определеннее: «Князь, увидя сие, уклонился в прежнюю гавань Фрисберг, дабы заманить туда и неприятеля»⁸¹.

Надо подчеркнуть, что театр предстоявшего сражения М.М. Голицыным и многими другими находившимися в его эскадре старшими и младшими офицерами был основательно изучен в морские кампании предыдущих лет начиная с 1714 г., когда после Гангутской победы российский галерный флот впервые овладел Аландским архипелагом. Более того, в 1716 г. М.М. Голицын получил опыт действий в акватории, где в 1720 г. и произошло сражение, в ситуации очень сходной с той, которая имела место 26–27 июля 1720 г. Как сказано в походном журнале М.М. Голицына, 1 июня 1716 г. отряд галер под его командой продвинулся по островному фарватеру «до деревни Флисберх». На следующий день, преследуя шведскую эскадру из двух кораблей, шнявы и бота, галеры М.М. Голицына пересекли Фегле-фиорд, прошли Ледсунд и прибыли в гавань с западной стороны острова Лемланд. Тогда шведской эскадре удалось ускользнуть («оные карабли отошли в море из виду»)⁸². В 1720 г. М.М. Голицын, как будет показано ниже, учел опыт 1716 г. и не стал преследовать эскадру Э. Шеблада, ушедшую с якорной стоянки у горы Флисеберг через Фегле-фиорд к Ледсунду. Принятое в 1720 г. М.М. Голицыным новое решение, предусматривавшее выжидание наступления со стороны неприятельской эскадры, сокрытие от противника численности своей галерной флотилии, демонстративный отступательный маневр в устье близ горы Флисеберг, спустя не-

сколько лет привело к разгрому значительно большей неприятельской эскадры.

М.М. Голицын действовал именно так, как ему предписывал Петр I, хотя по стечению обстоятельств наказ монарха М.М. Голицыну запоздал. Он был послан генералу только 3 августа 1720 г., когда в Петербург уже вели трофейные шведские корабли. Генерал-адмирал формулировал царскую волю в следующих словах: «Изволил приказать к вам писать: ежели неприятель будет силно стоять и противитца и стоять будет невозможно, в отчаянной себя газард не отдавать и поступать з генералного совету, как за лутчее разсудитца, сколко возможно по своему военному искусству»⁸³.

С какими же силами К.Г. Шеблад двинулся против российской гребно-парусной флотилии?

В российской литературе вплоть до настоящего времени из одного труда в другой переходят самые приблизительные сведения – итог зрительных наблюдений М.М. Голицына 26 июля 1720 г. за эскадрой Э. Шеблада («26-го числа ездили мы... осмотреть»). Тогда генерал приблизительно определил (по словам И.И. Голикова, использовавшего несохранившийся журнал князя Голицына, «сколько мог он приметить»⁸⁴), что «у острова Фрисберг» стояли линейный корабль, 4 фрегата, 3 галеры, шнява, галиот, 3 шхербота и бригантина⁸⁵. По необъяснимым причинам (небрежность?) эти сведения повторяются в научных сочинениях вплоть до нынешнего времени как численность шведской эскадры при атаке россиян 27 июля 1720 г.⁸⁶ Однако М.М. Голицын там же написал, что на следующий день, 27 июля, в атаку на российскую галерную флотилию двинулись также «еще прибылыя» суда, пришедшие в тот день с вице-адмиралом Шебладом⁸⁷.

Прояснить этот важнейший для воссоздания истории сражения вопрос позволяет обращение к находившимся вне поля зрения историков архивным документам: допросам захваченных в плен на 4 фрегатах шведских офицеров, скрепленным подписью М.М. Голицына⁸⁸, которые были посланы им вместе с донесением о сражении от 31 июля 1720 г.⁸⁹, и «Реестру», составленному на основании допросов же плененных 27 июля 1720 г. шведских офицеров, «что в действии с швецкой стороны было караблей, фрегатов и протчих судов»⁹⁰, который прилагался к письму участника сражения бригадира князя И.Ф. Барятинского Ф.М. Апраксину с галеры «Нева» «от урочища Флисеберга», датированному 30 июля 1720 г.⁹¹

Совокупный анализ этих источников дает основание считать, что, помимо 52-пушечного «Поммерна» и 4 фрегатов с общим вооружением из 156 орудий, об участии которых в сражении хорошо известно, в сближении с русским флотом участвовали фрегаты «Анклам» (36 пуш.), «Эбенецер» (20 пуш.), малые фрегаты из вооруженных купеческих судов «Пакаан» (12 пуш.), «Лилла Феникс» (10 пуш.), галера «Пеликан» (2 пуш. и 24 баса), одна однотипная с ней галера⁹² и 2 галеры меньшей величины, наименования которых остаются неизвестными, бригантина «Экоррен» (20 пуш.) и завершали внушительную шведскую боевую линию 3 шхербота (на каждом по 6 пуш.) – всего 17 кораблей.

Итак, около 4 часов дня внушительная эскадра во главе с флагманским вице-адмиральским кораблем двинулась «на обордирунг» российских галер. Сначала впереди шел линейный корабль К.Г. Шеблада, но на плесе Фегле-фиорда его обошли 4 фрегата – так излагали действия шведской эскадры захваченные в плен на этих фрегатах офицеры⁹³.

Шведы, как и полагалось по правилам линейной тактики, шли в строю кильватерной колонны – линии баталии. Ее порядок зафиксирован в составленном со слов пленных шведских офицеров, обнаруженном в архиве документе «Реэстр линее, учиненной к баталии, шведских судов...», приложенном к письму бригадира И.Ф. Барятинского Ф.М. Апраксину от 30 июля 1720 г.⁹⁴ Первым навстречу противнику двигался фрегат с символическим названием «Венкер» (победитель), вслед за ним – фрегаты «Данск Эрн», «Стор Феникс», «Кискин», потом флагманский корабль «Поммерн», за которым шла галера «Пеликан» с Э. Шебладом на борту, потом фрегат «Эбенецер», галера, фрегат «Пакаан», галера, фрегат «Лилла Феникс», галера, фрегат «Анклам», бригантина «Экоррен»⁹⁵, и завершали строй шведских кораблей 3 шхербота.

Важнейшую роль в Гренгамском сражении сыграла артиллерия. Обрушенный на шведов с российских галер ураганный огонь картечью был одной из главных предпосылок успеха. Один из ключевых вопросов для понимания тактики русского флота – каково было соотношение сил сторон в артиллерии. Коснулся этого сюжета С.Д. Осокин, но его суждения носили лишь предположительный характер. Он полагал, что на русских галерах имелось по 3–4 пушки, из которых только одна носовая могла эффективно вести огонь при сближении с противником. Историк считал, что калибр шведской артиллерии

был «значительно больше калибра артиллерии, установленной на русских галерах»⁹⁶. Авторы «Морского атласа» писали, что на каждой из 52 галер – участниц сражения – было по одной пушке⁹⁷. В новейшей книге (2003) В.А. Золотарев и И.А. Козлов повторили мнение С.Д. Осокина⁹⁸. Приведенные предположения о количестве артиллерийских орудий, их калибрах на русских галерах во время Гренгамской баталии источниковым материалом не подтверждаются. Как были вооружены артиллерией в сражении 27 июля 1720 г. галеры россиян, можно составить представление по относящейся к октябрю 1717 г. «Книге припасам галерным», в которой подробно перечислено, сколько и каких калибров пушек имелось на всех 36 галерах, участвовавших в кампании того года на море⁹⁹.

Российские галеры, задействованные как в кампанию 1717 г., так и в сражении 27 июля 1720 г., строились по так называемому «турецкому маниру» и различались по своим размерам сообразно количеству имевшихся на них весел или же по-иному лавок (гребель, банок) для гребцов-солдат вдоль одного борта. Галеры с 14–17 парами весел (или 14–17-баночные) именовались скампавеями либо малыми галерами, а с 18–20 парами весел – полугалерами либо большими галерами. Артиллерийское вооружение полугалер было значительно сильнее, чем у скампавей¹⁰⁰. В соответствии с «Книгой припасам галерным», в кампанию 1717 г. из 36 галер к полугалерам относилось 7, к скампавеям 29.

Полугалеры имели достаточно сильное пушечное вооружение. На 6 из 7 полугалер, согласно «Книге припасам галерным» 1717 г., орудие главного калибра, стоявшее на носу на куршейном помосте, было 18-фунтового калибра, по бокам от него располагались две 6-фунтовые пушки, кроме которых, на двух из полугалер имелось еще по 6 пушек 3-фунтового калибра, на двух – по 4 орудия такого же калибра и на двух – по 4 баса, то есть небольших 1- или 2-фунтовых орудия. Лишь на одной полугалере пушечное вооружение отличалось своеобразием: два 12-фунтовых орудия главного калибра на носу, по сторонам от них два орудия 4-фунтового калибра и еще две 3-фунтовых пушки.

Большинство скампавей, согласно названной «Книге» 1717 г., имели на вооружении носовое куршейное орудие 12-фунтового калибра (21 из 29 скампавей); на одной скампавее оно являлось 18-фунтовым, еще на одной – 8-фунтовым, на трех скампавеях – 6-фунтового калибра; на двух скампавеях имелись только лишь по

две носовые 3-фунтовые пушки. Как правило, на скампавеях слева и справа от куршейного орудия главного калибра стояли по одной 3-фунтовой пушке. На пяти скампавеях, кроме того, были на вооружении также по две пушки-мортиры конструкции В.Д. Корчмина, которые могли вести огонь как пушки 3-фунтового калибра или как-mortиры метать гранаты 6-фунтового калибра. Особый набор вооружения стоял на скампавее «Соловей»: две 3-фунтовых носовых пушки, два баса и шесть пушек-мортир изобретения В.Д. Корчмина 3(6)-фунтового калибра.

Следовательно, орудие главного калибра на том типе русских скампавей, которые участвовали в Гренгамском сражении, обычно относилось к 12-фунтовому калибру; орудия же 18-, 8- и 6-фунтовые устанавливались на куршее не так часто. Прослеживается стремление к определенному единообразию в вооружении скампавей: среднее носовое (куршейное) 12-фунтовое орудие и по сторонам от него две 3-фунтовые пушки. Капитан-командор галерного флота М.Х. Змаевич, сообщая Ф.М. Апраксину по завершении кампании 1714 г. о вручении царю ведомости о количестве орудий 12-фунтового калибра на скампавеях, высказывал мнение, что Петр I «желает на все скампавеи поставить таким калибром»¹⁰¹.

Полных данных обо всех 52 галерах, которые участвовали в баталии, нет. Известны названия 43 галер, получивших повреждения. Из них по разным источникам удалось установить количество весел на 32 галерах, еще на 3 галерах – весел и артиллерии одновременно и только пушек – на 5¹⁰². Исходя из этих сведений из 40 галер, о которых обнаружены данные, позволяющие характеризовать их тип, в Гренгамской баталии было задействовано не менее 9 полугалер. Среди них 19-баночными являлись «Нева», «Перепел» («Пелепел»), «Рак», «Сом»; 18-баночными – «Аист», «Донжела», «Фивра», «Шувра». Артиллерийское вооружение полугалеры «Аист» в кампанию 1717 г. составляли 18-фунтовая и две 3-фунтовые пушки на носу и еще 4 баса; девятая полугалера «Дельфин» («Долфин») в кампанию 1717 г. также имела 18-фунтовую и две 6-фунтовые и еще четыре 3-фунтового калибра пушки, в кампанию 1721 г. – 18-фунтовую, три 3-фунтовые и 4 баса.

Итак, шведы или россияне имели превосходство в артиллерии?

Досконально известно количество орудий и их калибры на 4 шедших первыми шведских фрегатах: 2 12-фунтовые, 20 8-фунтовых, 48 6-фунтовых, 12 4-фунтовых и 22 3-фунтовые пушки, всего – 104 ар-

тиллерийских орудия¹⁰³. Относительно линейного корабля «Поммерн» имеются данные только об общем числе артиллерии на нем без разделения по калибрам на 26 мая 1720 г. – 52 пушки¹⁰⁴.

Отдельный вопрос – действия шедшей следом за «Поммерном» галеры «Пеликан». До недавнего времени в литературе, посвященной Гренгамской баталии, не было учтено свидетельство очевидца – служившего матросом во флоте Швеции уроженца Данцига А.Г. Сисе, добровольно перешедшего 26 августа 1720 г. к россиянам на одном из островов Аландского архипелага¹⁰⁵. По его показаниям, флагманская галера Э. Шеблада приняла участие в боевом столкновении в виду горы Флисеберг. На вопрос, видел ли он корабль вице-адмирала Шеблада после сражения, он ответил так: «Оной карабль и одну галеру, коя была при карабле, видел... во многих местах над водою пробиты и с нуждою доведены в Ваксгоlm и там починивают...»¹⁰⁶ Галера «Пеликан» имела вооружение, по сообщению служившего на ней морского капитана Я. Сейдера, из двух носовых орудий 36-фунтового калибра и еще 24 басов¹⁰⁷. На наш взгляд, нет оснований не учитывать приведенное известие. Как можно предполагать, эта галера значительно ближе остальных судов продвинулась вслед за шедшими впереди шведскими флагманским линейным кораблем и 4 фрегатами. Она пребывала в зоне действенного артиллерийского огня, получила большие повреждения, но смогла оторваться от преследования. Вполне объяснимо, почему о ней не упомянул отдельно в донесении о сражении М.М. Голицын: командовавшему флотилией из 52 галер одна неприятельская галера не представлялась существенно значимой боевой единицей.

Таким образом, на шести боевых кораблях вышедшей вперед части эскадры вице-адмирала Шеблада, которым и довелось принять участие в кульминационной фазе баталии, насчитывалось 182 артиллерийских орудия.

Если подвести итог, то на 9 российских полугалерах, достоверно принимавших участие в сражении, исходя из их обычного артиллерийского вооружения, как можно с небольшой долей условности считать, находилось 9 орудий 18-фунтового калибра, 18 6-фунтового и около 36–54 малокалиберных, главным образом 3-фунтовых, пушек – всего приблизительно 63–81 пушка. Даже если допустить, что все остальные 43 галеры россиян являлись скампавеями, совокупная мощь их артиллерии, учитывая, что три четверти скампавей в кампанию 1717 г. имели 12-фунтовое орудие главного калибра,

равнялась примерно 32 пушкам 12-фунтового калибра, 11 8- или 6-фунтового и 86 3-фунтового – всего около 130 пушек. На каждой полугалере или скампавее могло размещаться по две пушки-мортиры конструкции В.Д. Корчмина – всего до 104 орудий.

Стало быть, согласно выявленным на настоящее время документальным данным, по шведским судам велся огонь из порядка девяти 18-фунтовых, тридцати двух 12-фунтовых, двадцати девяти 8- и 6-фунтовых, ста двадцати – ста сорока 3-, 2- и 1-фунтовых орудий и, возможно, до 104 пушек-мортир 3(6)-фунтового калибра – в общем приблизительно из 200–300 артиллерийских орудий. Можно говорить о большом преимуществе россиян над шведами в артиллерии во время баталии.

Какова была численность личного состава на атаковавших российские галеры линейном корабле и 4 фрегатах?

По списку экипажей судов эскадры адмирала К.Х. Вактмейстера на 4 июля 1720 г. на линейном корабле «Поммерн» служило 336 чел., на фрегатах: «Венкер» – 160, «Стор Феникс» – 153, «Данск Эрн» – 122, «Кискин» – 109, всего – 880 чел. На флагманской галере Э.Шеблада «Пеликан», вопрос о степени участия которой в сражении был разобран выше, имелось 198 чел.

На следовавших за ними при сближении и выходе на рубеж атаки, но фактически не вступивших в бой судах находились: на фрегатах «Анклам» 115, «Эбенецер» 112, «Лилла Феникс» 60, «Пакан» 57, бригантине «Экоррен» 48, всего – 392 чел.¹⁰⁸ Неучтенным, следовательно, остается число людей на 3 галерах и 3 шхерботах.

Относительно численности личного состава, участвовавшего в сражении на судах флотилии М.М. Голицына, в литературе приводятся разные сведения (10 000 чел., 10 941 чел. десантных войск, 11 000 чел. десанта)¹⁰⁹. Соответственно посланным 31 августа 1720 г. М.М. Голицыным Ф.М. Апраксину ведомостям «Коликое число было при обордирунге швецких 4-х фрегатов на российских галерах...», в баталии с русской стороны приняли участие 10 964 сухопутных чина от генерала до рядового, 369 чинов галерного флота и галерного батальона и еще 2 подмастерья галерного дела¹¹⁰, всего – 11 335 чел.

Находившаяся на галерах пехота в подавляющем большинстве была вооружена гладкоствольными кремневыми ружьями – фузеями, убойная дальность стрельбы из которых равнялась приблизительно 225 м¹¹¹. Во время сражения было израсходовано 31 506 патронов¹¹², а также «брошено гранат ручных» 546¹¹³. Многочисленные сцены

ружейного обстрела солдатами с галер шведских фрегатов в ходе абордажа изобразил на гравюре с видом баталии А.Ф. Зубов.

В то время как шведская эскадра на парусах при свежем попутном ветре зюйд-зюйд-вест пересекала плес Фегле-фиорда, М.М. Голицын, как было сказано, отдал приказ отступать под прикрытие горы Флисеберг за мели и узости пролива Флисесунд, где галеры были бы в полной безопасности от нападения. Отход осуществлялся без излишней спешки. Линия отходивших галер, очевидно, растянулась на значительное расстояние. По шведским данным, «около 20 галер» даже задержались у Гренгама¹¹⁴. В полшестого часа дня шведская эскадра вошла в непосредственное боевое соприкосновение с отступающими российскими галерами, открыв артиллерийский огонь¹¹⁵.

До сих пор в зарубежной литературе некритически воспроизводится такой элемент пропагандистской шведской версии баталии, что русские потеряли при этом отступлении 2 галеры, затопленные огнем пушек шведов¹¹⁶, но этот «факт» не нашел отражения ни в подробной ведомости об ущербе, полученном галерами в сражении, ни в донесении М.М. Голицына от 31 июля 1720 г. При подводных исследованиях действительно были обнаружены остовы двух судов галерного типа вблизи берега острова Флисе¹¹⁷, но они, как представляется, относятся к другому времени.

Замысел шведского флотоводца был очевиден: атакой в направлении пролива Флисесунд пресечь русским галерам путь отступления с гренгамского плеса на шхерный фарватер и уничтожить их оружейным огнем¹¹⁸. Однако шведы, по оценке М.М. Голицына, «газардовали»¹¹⁹. Увлеченные преследованием, они вошли в тесный залив между горой Флисеберг и островом Бренде перед самым проливом Флисесунд, где лишились свободы маневра. Передовые корабли эскадры К.Г. Шеблада оказались в изобиловавших мелями и подводными рифами водах («отмели и камня много», как писал М.М. Голицын¹²⁰), что было также серьезным просчетом молодого 36-летнего шведского флотоводца.

Этими очевидными ошибками К.Г. Шеблада не замедлил воспользоваться 44-летний генерал М.М. Голицын, накопивший большой опыт действий на галерах в шхерах Балтийского моря. Передовые шведские линейный корабль и 4 фрегата для того, чтобы вести действенный артиллерийский огонь с близкого расстояния и из наибольшего числа орудий, оказавшись в заливе у входа в пролив Флисесунд — водах, над которыми высилась гора Флисеберг, вклинились в поток

двигавшихся к северу российских галер. Именно в этот момент М.М. Голицын дал сигнал о переходе русских галер в атаку – «итти галерам на обордирунг»¹²¹. По смыслу сигнала с этой минуты всем галерам следовало «тотчас итить и к неприятелю прицепитца и тшачиться всякими образы тем судном овладеть, к которому прицепились»¹²². Шведские корабли разом оказались среди роя, в самой гуще российских галер. Все корабли передового отряда шведов сразу же вынуждены были начать артиллерийский огонь одновременно из орудий правого и левого бортов¹²³.

Галеры, как гребно-парусные суда, обладали отличной «поворотливостью» и в кратчайшее время перешли от отступления к атаке на гребле («стали к ним пригребать»¹²⁴). При сближении с неприятельскими кораблями российские галеры вели сильнейшую стрельбу: за время сражения был израсходован 23 971 заряд картечи¹²⁵. Стрельба с галер была как из артиллерийских орудий, так и из ручного оружия. По словам К.Г. Шеблада, русская «мушкетная пальба была столь сильной, что более быть невозможно»¹²⁶.

Ценнейшее свидетельство о тактике русского флота в сражении содержится в «Экстракте о службах» М.М. Голицына – источнике, который до недавнего времени не использовался исследователями при изучении баталии¹²⁷. Согласно названному документу, после того как 4 передовых шведских фрегата развернулись для стрельбы, «наши галеры пресекли курс»¹²⁸, то есть перекрыли путь отступления неприятельским фрегатам, которые в итоге захода галер в тыл оказались окруженными. Удачный маневр, надо полагать, был осуществлен тем отрядом из приблизительно 20 галер, которые, как выше упоминалось, по наблюдениям шведов, медлили с отступлением с гренгамского плеса к горе Флисеберг. Этим галерам ветер зюйд-зюйд-вест был попутным, и они могли стремительно выйти в тыл противнику и с использованием парусов. Разве не подтверждает этот вывод свидетельство превосходно осведомленного современника о действиях русских галер на этой фазе сражения против кораблей головной части шведской эскадры в виду горы Флисеберг: «...лишь только они вошли в шхеры, остальные галеры, которые укрывались невдалеке, явились на помощь своим товарищам и окружили шведов со всех сторон»¹²⁹?

Последовательность событий наиболее напряженного периода сражения дает возможность воссоздать труд И.И. Голикова, об уникальном характере которого касательно известий о баталии у Флисе-

берга уже не раз упоминалось: «... когда князь Голицын увидел, что неприятель зашел так далеко в Ламеландской залив, в котором находилось много мелей и камней, вдруг (одновременно. – П.К.) ... его атаковал, и неприятельские два фрегата, отстреливаясь, стали на мель, а другие два пошли на уход, но были нагнаны, атакованы и по жестоком бою взяты оные и также ставшие на мель фрегаты. Вице же адмирал шведский во время атаки россиянами двух оных фрегатов был так счастлив, что с остальными судами вышел из шхер в открытое море и догнать его уже не могли»¹³⁰.

Таким образом, в пылу атаки два шведских фрегата стали на мель, после чего начался одновременный отход флагманского линейного корабля и двух фрегатов противника. Если шведский флагман сумел уйти от погони, то зашедшим дальше двум фрегатам сделать этого не удалось.

Это принципиальное для оценки хода баталии наблюдение: «пошли на уход» все три не севших на мель шведских корабля. Именно с этих минут началась фаза преследования галерами пытавшихся уйти в открытое море линейного корабля и двух фрегатов. Часть галер в это же время решала задачу более простую: «хотя не с жестоким, только абордирунгом достали» два приткнувшихся к мелям шведских фрегата.

Как писал М.М. Голицын, два фрегата противника сели на мели при поворотах для пушечной стрельбы, маневрах с целью уйти от преследования контратаковавших шведов российских галер («в ретираде») и в связи с тем, что орудийным огнем галер на шведских кораблях были многие «снасти перебиты»¹³¹. Согласно традиционной шведской версии, на мели наскочили все 4 вышедших вперед фрегата. Об этом сообщают К.А. Юлленгранат (он прибавляет, что фрегат «Кискин» после посадки на мель якобы и затонул!), Ю. Манкелль, авторы «Истории шведского флота», Х. Тегенгрэн, Е. Хурнборг (он тоже писал о затоплении одного из фрегатов) и С. Дрейер¹³². Знакомый с русской версией сражения Р.Ч. Андерсон утверждал, что 2 фрегата сели на мель лишь первоначально, позднее же это случилось и с 2 остальными¹³³, но М.М. Голицын писал Петру I и Ф.М. Апраксину 31 июля о посадке на мель лишь 2 фрегатов, а 2 другими овладели «на парусах на свободной воде»¹³⁴. То же говорится и в его «Экстракте о службах»¹³⁵.

По нашему мнению, справедливо именно свидетельство русского флотоводца: при блестящей победе над неприятельской эскадрой

рой искажения произошедшего были не нужны. Напротив, шведская версия сражения включает в себе ряд «фактов», не имевших места в действительности, которые призваны были скрасить горечь поражения, списав большую часть его причин на «объективные обстоятельства», и создать видимость ряда успехов шведов по ходу баталии. Далее будет показано, что сделанное здесь заключение косвенно подтверждается большой разницей в потерях убитыми на фрегатах, севших на мель, и тех, которые сохранили свободу маневра.

Участь двух севших на мели фрегатов была предрешена. Немногие из российских исследователей задавались вопросом, какие именно фрегаты оказались на мелях. В.Н. Берх написал, что первым был захвачен ставший на риф 30-пушечный «Венкер»¹³⁶. Г.А. Богуславский считал, что на мелях пленили фрегаты «Венкер» и «Стор Феникс»¹³⁷, С.Д. Осокин повторил мнение В.Н. Берха о «Венкере», отметив вслед за Г.А. Богуславским, что «вскоре был взят с боем и второй 34-пушечный фрегат «Стор Феникс»¹³⁸; последовали точке зрения, что именно «Венкер» и «Стор Феникс», разворачиваясь, сели на мели, и авторы «Истории Северной войны 1700–1721 гг.»¹³⁹.

Базовые первоисточники – донесение М.М. Голицына от 31 июля 1720 г. и его «Экстракт о службах» – не приводят наименования наскочивших на мели фрегатов. Однако в донесении Голицына, на наш взгляд, содержится ключ к ответу на этот вопрос. Флотоводец доносил, что фрегаты, оказавшиеся на мелях, «хотя не з жестоким, толко обордирунгом достали, а два фрегата взяты обордирунгом на парусах на свободной воде»¹⁴⁰. Голицын, следовательно, противопоставил степень ожесточенности сопротивления шведов на фрегатах, стоявших на мели, и тех, которые имели возможность уйти на парусах.

Если проанализировать потери убитыми (объективный показатель степени сопротивления), то, согласно подсчетам, произведенным к 31 июля 1720 г., резко выделяются по числу павших в сражении фрегаты «Венкер» (98 пленных, 59 убитых – 38% команды) и «Кискин» (78 пленных, 25 убитых – 24% команды)¹⁴¹. Командир «Кискина» капитан К. фон Штоуден был тяжело ранен и не мог давать показания в ближайшие после сражения дни¹⁴².

Напротив, на «Стор Фениксе» захватили в плен, по подсчетам к 31 июля 1720 г., 141 чел. и лишь 7 погибли в бою (5% команды), на «Данск Эрне» пленили 90 чел. и было павших 12 чел.¹⁴³, при этом фрегат в ходе боя покинули в шлюпке его командир капитан флота Н. Экенгрэн, старший штурман¹⁴⁴ и, судя по разнице с численностью

экипажа на 4 июля 1720 г. (122 чел.)¹⁴⁵, еще до 18 других членов команды, что вряд ли подняло боевой дух оставшихся.

Следовательно, обоснованно полагать, что на мель сели фрегаты «Стор Феникс» и «Данск Эрн», а «Венкер» и «Кискин» штурмовались русскими галерами на ходу «на свободной воде».

Согласно весьма приблизительному и схематичному картографическому наброску, выполненному по памяти взятым в плен командиром фрегата «Венкер» А. Фалкенгренем, удается установить примерное расположение шведских фрегатов в момент их пленения. «Венкер» дальше других кораблей углубился в расположение россиян. Этот 30-пушечный фрегат в момент пленения находился вблизи самого устья пролива Флисесунд. В нескольких сотнях метров от него к юго-западу пленили «Кискин». Несколько к югу от последнего фрегата стоял на мели «Стор-Феникс», а «Данск-Эрн», по шведским источникам, первым оказавшийся на мели, лежал еще южнее, довольно близко к берегу острова Флисе и невдалеке от выхода с плеса, отделенного от Фегле-фиорда островками Гренгам и Редшер¹⁴⁶.

В статье В.Н. Берха, как говорилось ранее, широко использовавшего материалы современника Гренгамской баталии известного ученого и педагога адмирала А.И. Нагаева, утверждается, что россияне, захватив первым фрегат «Венкер», воспользовались его пушками для обстрела остальных шведских кораблей¹⁴⁷. Последний факт не отражен в известных ныне первоисточниках, близких по времени к событию. С одной стороны, сомневаясь, допустимо предположить, что эта подробность сражения, характеризующая находчивость россиян, представляет собой легенду, порожденную развитием устной традиции о баталии в течение XVIII в. С другой стороны, адмирал А.И. Нагаев, имевший самый широкий круг общения в среде моряков, в год, когда произошло сражение, служил гардемаринном во флоте, обучался в Морской академии в Петербурге и в силу этого вполне мог тогда или же позднее услышать и изложить на бумаге подобный рассказ. В послужном списке адмирала сказано, что он начиная с 1722 по 1730 г., будучи мичманом и потом унтер-лейтенантом, ежегодно по завершении морской кампании «обучал всех во флоте служащих гардемарин навигаци[и]»¹⁴⁸ — знания из боевой истории отечественного морского флота, которые он неустанно накапливал, были бы очень полезны в процессе преподавания в Морской академии.

Жаркое дело в урочище Флисеберг имело немало острых, напряженных ситуаций. Одна из них впервые освещена в литературе лишь

в 2002 г.¹⁴⁹ – таран шведским фрегатом (очевидно, при развороте) русской галеры. На основании, надо предполагать, ходивших в солдатской среде рассказов упомянул об этом эпизоде баталии в своих записках служивший в 1720 г. в размещавшемся в Петербурге Белгородском полку В.А. Нащокин: «...фрегат нашел на галеру Троицкого пехотного полка поперег и потопил ее, только люди со оной все спаслись и большой азард приняли от потопления – полезли на шведской фрегат, а другие на близидущие галеры свои спаслись, и тотчас оной фрегат взяли»¹⁵⁰.

Сопоставление этого рассказа с другими источниками подтверждает достоверность его основы, но позволяет внести и необходимые уточнения. Солдаты Троицкого полка действительно сражались «при обордирунге швецких 4-х фрегатов»¹⁵¹. Изучение же характера повреждений галер в Гренгамском сражении по ведомости от 31 июля 1720 г. за подписью М.М. Голицына, считаем, дает возможность определить название этой галеры. От тарана фрегатом противника повреждения были получены только скампавеей «Хариус». Согласно ведомости, на «Хариусе» «переломило кораблем» филарет – деревянный поручень на стойках, шедший вдоль борта; на нем были именно «изломаны» (а не перебиты пушечными ядрами) бархоут – утолщенный пояс наружной обшивки корпуса, «крыльцы» – бортовые лестницы; сказано также, что «15 весел кораблем изломало»¹⁵². Скампавея «Хариус» была 30-весельной¹⁵³, то есть шведский фрегат, можно полагать, переломал все 15 весел, имевшихся с одного борта. Как следует из ведомости, протараненная скампавея отнюдь не затонула: несмотря на полученные серьезные повреждения, ее корпус выдержал столкновение. Команда «Хариуса» должна была насчитывать около 150 сухопутных и морских чинов¹⁵⁴. Столкновение фрегата со скампавеей произошло явно под острым углом (переломаны все весла вдоль борта). Оно привело к жесткому соприкосновению судов бортами, в силу чего многие из экипажа галеры «большой азард приняли» от угрозы затопления судна и, по словам В.А. Нащокина, «полезли на шведской фрегат», что содействовало тому, что он был «тотчас» же захвачен.

Другой острый эпизод, случившийся в ходе баталии, под пером Ф.Ф. Веселаго породил устойчивый исторический миф. Ссылаясь на текст опубликованной ведомости об уроне россиян в людях¹⁵⁵, относительно 43 опаленных историк добавлял: «...конечно, выстрелами из орудий во время абордажа»¹⁵⁶. Родившийся таким способом «факт», не вытекающий из источников, без должной перепроверки

был использован Б.С. Тельпуховским, писавшим, что «такой факт, как ожог 43 человек выстрелами из орудия», говорит об исключительном упорстве, храбрости русских солдат, обожженных пороховыми газами из жерл шведских пушек¹⁵⁷. Об исключительном мужестве и отваге русских воинов в Гренгамском сражении спорить не приходится, но «факта» ожога 43 человек «выстрелами из орудий» просто не было.

Уверенное заключение Ф.Ф. Веселаго опровергается этой же ведомостью, которая, как оказалось, была опубликована с усеченным заголовком, в котором и раскрывается причина получения 40 солдатами, сухопутными подпоручиком, фурьером и пушкарем-морьяком ожогов: «...опалено, как подорвало порох»¹⁵⁸. Значит, обожжены люди были не извергавшимися из жерл неприятельских орудий пороховыми газами во время абордажа, но от взрыва порохового запаса на одной из галер.

Причина взрыва, впрочем, в документе не называется. Изучение ведомости, посланной М.М. Голицыным 31 июля 1720 г. генерал-адмиралу с самым подробным перечислением, что «во время обордирун[га] швецких фрегатов от пушечной стрельбы российских галер повреждено и снасти перебито», дает основание полагать, что подрыв пороха произошел на галере «Го» из эскадры авангарда. Только она имела повреждения, свойственные именно взрыву: «2 банника 3-фунтовых вышибло из рук» ведших огонь по неприятелю русских артиллеристов, «вышибло» также еще «два бруса на корме»¹⁵⁹ – сильный пороховой взрыв, надо предполагать, произошел в кормовой части галеры.

Одна из составных частей версии шведской пропаганды о сражении у Флисеберга приведена в люксембургском ежемесячном журнале. Согласно полученному экспресс-почтой известию, сообщалось в журнале, в «кровавом сражении, длившемся 6 часов» (?!), 4 севших на мель фрегата были перед их сдачей русским подожжены шведами¹⁶⁰. Если бы поджог, в особенности же всех 4 фрегатов самими шведами, действительно произошел, это нашло бы отражение в донесении Голицына о сражении: проявления шведской верности долгу могли только повысить значение победы россиян. Впрочем, версия о поджоге фрегатов накануне их пленения не получила развития в шведской литературе XIX–XX столетий.

С. Дрейеру окончание сражения видится следующим образом. Севшие на мель 4 фрегата, будучи со всех сторон окружены галерами,

продолжали вести бой. Они поддерживались сильным артиллерийским огнем стоявших поодаль остальных кораблей эскадры К.Г. Шеблада, от которого, согласно историку, «множество галер и других меньших размеров судов затонули или были серьезно повреждены»¹⁶¹. Таким образом сражение продолжалось до полвосьмого часа вечера, когда, «дав по неприятелю последний бортовой залп, вице-адмирал Шеблад с «Поммерном» и остальной частью эскадры отступил прочь от опасного соседства», оставив без поддержки еще отбивавшиеся от русских фрегаты¹⁶².

Версия завершения сражения близ Гренгама С. Дрейера, по нашему мнению, является не критическим воспроизведением той, которую пропагандистский аппарат Шведского государства создал еще в 1720 г., и не соответствует в значительной мере реальным фактам.

Вели ли артиллерийский огонь по российским галерам, как писал С. Дрейер, оставшиеся сзади корабли шведов? Если да, то можно ли считать его сколько-нибудь действенным?

По шведским данным, остальная часть шведской эскадры держалась на известном удалении, ожидая нового приказа о дальнейших действиях¹⁶³. Русские источники, надо полагать, не случайно молчат относительно какой-либо активности в сражении второй части шведской эскадры. Как представляется, это вполне определенно свидетельствует, что их артиллерийская пальба (если она была) с дальних дистанций при качке на свежем ветре не имела реального значения в развернувшемся в заливе под горой Флисеберг жарком бою.

Кроме сильно поврежденной в сражении галеры «Пеликан», другие суда оставшейся в тылу под флагом Э. Шеблада части шведской эскадры не приняли реального участия в баталии. Об этом, как представляется, определенно свидетельствуют такие строки в донесении М.М. Голицына о моменте прекращения погони за уходившим в море линейным кораблем «Поммерн»: «...а нам за ними больше следовать не допустило ...что близко к морю и место широко, також и с моря еще 2 судна показались...»¹⁶⁴

Таким образом, М.М. Голицын писал о появлении двух неприятельских кораблей, которые до этого не участвовали в сражении, только на этапе преследования российскими галерами флагманского корабля шведов.

Названные два приближавшихся со стороны моря корабля, – несомненно, наиболее крупные из остававшихся у шведов в резерве фрегаты – 36-пушечный «Анклам» и 20-пушечный «Эбенецер». Только

эти шведские корабли, по сути, имели возможность произвести подобный маневр-угрозу для содействия спасению пытавшегося оторваться от преследовавших его русских галер линейного корабля «Поммерн».

Как проходило окончание баталии, М.М. Голицын обрисовал в донесении от 31 июля 1720 г. следующим образом: «А достальные виц-адмиральской карабль и протчие ретировались, аднако ж по возможности гнали, и от виц-адмиралскова карабля от кормы видели в воде доски, а нам за ними больше следовать не допустило за погодой...»¹⁶⁵ Из слов российского генерала определенно явствует, что заключительная часть сражения – это преследование галерами ухидившего шведского флагманского корабля и других судов.

О маневре, позволившем флагманскому линейному кораблю шведов уйти с места сражения, сообщается в статье В.Н. Берха. Весьма вероятно, что он передает рассказы участников сражения. Историк прямо сослался, описывая этот эпизод, на имевшееся в его распоряжении сочинение А.И. Нагаева. Когда «Поммерну» грозило взятие на abordаж, вице-адмирал К.Г. Шеблад приказал бросить на полном ходу на парусах якорь и после того, как корабль развернуло, велел отрубить якорный канат¹⁶⁶. Благодаря этому маневру, корабль, снова поймав ветер, сумел избежать столкновения с окружавшими его русскими галерами и двинулся в направлении открытого водного пространства Фегле-фиорда. Таким способом шведскому флотоводцу удалось оторваться от преследовавших его галер россиян.

Вот как освещает этот драматический момент сражения В.Н. Берх: «...корабль его (К.Г. Шеблада. – П.К.) не поворотил оверштаг (при повороте оверштаг корабль пересекает линию ветра носом. – П.К.). Опытный и искусный мореходец сей не потерялся от стечения толиких бедствий, но кинул якорь, не убирая парусов, и продолжал пальбу с обеих бортов. Когда корабль его пришел против ветра, то он, отрубя канат, наполнил паруса и, направя путь свой в пролив, избежал отлично-искусным маневром сим явного плена. „Ежели бы сей искусный морской офицер, – говорит адмирал А.И. Нагаев, – начал опять наполнять паруса на прежний галс, то стал бы непременно на мель; а ежели бы вздумал поворачивать через фордевинд (при повороте фордевинд корабль пересекает линию ветра кормой. – П.К.), то был бы верною жертвою галерного флота нашего“»¹⁶⁷.

Не выдерживает критического разбора еще одна составная часть шведской пропагандистской версии баталии. К.А. Юлленгранат

писал, что, именно когда флагманский линейный корабль и 4 фрегата шведов вышли к горе Флисеберг, чтобы пресечь галерам путь для отступления в узости через пролив Флисесунд и громить их огнем артиллерии, прекратился ветер и это позволило противнику не только возликовать о чудесном спасении, но и перейти от бегства к атаке лишенных теперь возможности маневрировать шведских кораблей. Более того, ветер же будто бы помешал отставшим в пути остальным кораблям эскадры К.Г. Шеблада оказать помощь тем, которые вырвались вперед¹⁶⁸.

Ю. Манкелль также считал главным виновником поражения шведов ветер. Он, подытоживая уроки столь несчастливой для шведов исхода баталии, писал: «Определяющее воздействие имела перемена ветра на штиль: пока был ветер, парусный флот имел превосходство, но, когда настало безветрие, шхерный флот оказался в своей собственной стихии и отважился сразиться с парусным»¹⁶⁹. Обобщающий коллективный труд «История шведского флота», подводивший итоги развития национальной историографии к середине XX в., повествует о ходе сражения, что русские галеры «после больших потерь сначала принудили отступить, но затем ветер исчез и шедшие в атаку парусные корабли оказались по этой причине неподвижными, русские же не упустили благоприятной возможности и счастливо завладели 4 севшими на мель фрегатами»¹⁷⁰.

Русские источники не сообщают о внезапно наставшем безветрии. Шведская пропагандистская версия о коварном непостоянстве ветра как одной из главных причин поражения чревата внутренними противоречиями. Наступивший, согласно шведским источникам, штиль тем не менее не помешал линейному кораблю «Поммерн» оторваться на парусах от преследовавших его русских галер. М.М. Голицын также писал, что именно встречный свежий ветер и вызванное им волнение не позволили низкобортным российским галерам настичь уходивший «Поммерн» на открытых водах Фегле-фиорда: «...вице-адмиральский корабль ... по возможности гнали... а нам за ним больше следовать не допустило за погодой, а паче что близко к морю и место широко... а ежели б затихло, то б ни одного судна весьма не упустили»¹⁷¹.

На гравюре А.Ф. Зубова с видом Гренгамской баталии показаны и первая, и заключительная фазы сражения, когда российские галеры преследуют неприятельский линейный корабль, уходят в море и прочие шведские суда. Из участвовавших в погоне за линейным

кораблем галер большинство изображены идущими с использованием парусов: 3 из 4 (количество галер гравер дал условное). Имевший возможность получить самые подробные сведения о баталии исполнитель официального заказа, как представляется, верно отразил происходившее. Такой надежный и отличающийся высокой степенью детализации источник, как ведомость повреждений участвовавших в сражении галер, посланная М.М. Голицыным вместе с донесением о сражении Ф.М. Апраксину 31 июля 1720 г., зафиксировала повреждения парусов у 9 галер. У 4 галер были повреждены оба паруса, передний (тринкет) и стоявший примерно посередине (маистра): «парусы оба пробиты» («Райна»), «2 паруса... перебиты» («Утка»), «парусы избиты» («Лосак»), «парусы... перебиты» («Жерех»). Еще у 5 галер отмечена порча одного из парусов: «парус маистровой испробит весь» («Шувра»), «парус испробит» («Коркодил»), «парус испробило дробью» («Сарга»), «парус трункетовой весь избит» («Язь»), «парус трункетовой пробит» («Кабель»)¹⁷².

Следовательно, выявляется такая подробность сражения: русские галеры действовали не только на весельном ходу, но и на парусах.

Из имевшихся в распоряжении М.М. Голицына 14 островских лодок – плоскодонных одномачтовых судов, служивших для разведки, перевозки и высадки войск на берег, вооруженных в кампанию 1720 г., по-видимому, одной малокалиберной пушкой¹⁷³, в Гренгамской баталии участвовала лишь одна, которая уже «по взятии фрегатов» вместе с галерой, бывшей в дозоре, прибыла к месту сражения и приняла участие в преследовании линейного корабля¹⁷⁴. Не упоминается о повреждении островских лодок и в итоговой ведомости об ущербе, понесенном в ходе баталии русскими гребно-парусными судами¹⁷⁵.

Вопрос о «цене победы» в Гренгамском сражении – один из главных для исследователя. Ф.Ф. Веселаго положил начало историографическому вымыслу о фактическом уничтожении шведами большей части русских галер в баталии 27 июля 1720 г.: «Шведы защищались с отчаянной храбростью, и артиллерия их действовала с таким успехом, что у нас из 61 галеры 43 были повреждены до такой степени, что впоследствии их пришлось сжечь»¹⁷⁶. Ученый сослался на опубликованное сжатое извлечение из архивной ведомости¹⁷⁷, в котором сообщается лишь число поврежденных русских галер и содержится единственная подробность: одна из пострадавших в бою галер¹⁷⁸ «потонула и при урочище Фрисбург сожжена»¹⁷⁹. Небрежное обращение историка с документом породило устойчивую историографиче-

скую традицию. Опираясь на очерк сражения Ф.Ф. Веселаго, Р.Ч. Андерсон даже несколько усилил его заключение: «Не менее чем 43 из русских галер потерпели такой ущерб, что их вынуждены были сжечь»¹⁸⁰. Утверждение Ф.Ф. Веселаго воспроизвели С.А. Фейгина и В.Д. Доценко¹⁸¹. В ряде исторических трудов заключение Ф.Ф. Веселаго приводится в усеченном виде. Г.А. Богуславский, Е.В.Тарле, авторы «Истории Северной войны 1700–1721 гг.» писали, что 43 галеры были «сильно повреждены», «получили сильные повреждения», что шведская артиллерия «вывела из строя много русских галер»¹⁸². С. Дрейер добавил к некоторым сохраненным в его труде элементам пропагандистской шведской версии сражения и утверждение, что в итоге атаки вице-адмирала Шеблада 43 галеры были «выведены из боеспособного состояния»¹⁸³. В новейшей книге В.А. Золотарева и И.А. Козлова (2003) вновь воспроизводится этот застарелый историографический миф, правда, в смягченной форме: «Русский флот потерь в кораблях не имел, но многие галеры настолько пострадали от артиллерийского огня противника, что их не стали восстанавливать, а просто сожгли»¹⁸⁴.

Выводы, соответствующие фактам, изложенным в опубликованном извлечении из архивной ведомости от 31 июля 1720 г. в исторических работах просто тонут в потоке мифотворчества. Как исключение из сложившейся ложной традиции следует упомянуть, что С.Д. Осокин верно писал в соответствии с опубликованным в 1865 г. источником: «42 галеры имели повреждения»¹⁸⁵. Не допустили преувеличения и авторы «Описания к картам» Морского атласа¹⁸⁶.

Вопрос о характере, степени серьезности полученных в бою 27 июля 1720 г. русскими галерами повреждений до недавнего времени оставался неисследованным¹⁸⁷. Ключ к его решению содержит неопубликованный подлинник рукописи «Ведомости, сколько во время обордирун[га] швецких фрегатов и от пушечной стрелбы росиских галер повреждено и снасти перебито», заверенный М.М. Голицыным¹⁸⁸, извлечение из которого напечатано в «Материалах для истории русского флота».

Исследование источника однозначно показывает, что вывести из строя в ходе сражения шведам удалось только одну из русских галер. В ведомости об этой галере «Весфиш» говорится следующее: «Пробита в 6 местах, и она потонула у берегу при флоте и созжена»¹⁸⁹. Судя по ведомости, галера серьезно пострадала от пушечной стрельбы неприятельских кораблей и вынуждена была выйти из боя, после

чего ее было решено сжечь на воде. Согласно рапорту М.М. Голицына от 31 июля 1720 г., перед поджогом и последующим затоплением «Весфиш» разгрузили. В рапорте сказано, что «на розбитой галере «Весфиш» помокло» 25 четвертей муки, 45 с небольшим четвертей сухарей, 4 с лишком четверти круп и чуть более 14 пудов соли¹⁹⁰. По нашему мнению, остов корпуса именно галеры «Весфиш» обнаружен в самой узкой части пролива Флисесунд между островами Бренде и Флисе приблизительно в 700–800 м к северо-востоку от ближайшей части акватории, где произошло сражение, в тылу позиции, с которой русские гребно-парусные суда начали атаку шведской эскадры. Остов покоится вблизи берега урочища Гора Флисеберг на глубине 10 м. Сохранились только часть днища галеры длиной 11 м, кирпичи от камбуза, а также часть некоей плетеной сетки. У берега же урочища Флисеберг найдены остовы еще двух подобных судов, но в отличие от них первая галера была сожжена до ватерлинии¹⁹¹ – именно это было сделано с галерой «Весфиш» по окончании Гренгамской баталии.

Ущерб, понесенный в сражении остальными 42 галерами, очень неравноценен. Участники баталии постарались выявить даже самые ничтожные повреждения – все они отмечены в ведомости от 31 июля 1720 г. Внесены в список как «поврежденные» в бою галера «Пасарим», у которой всего-навсего был «флаг кормовой пробит», «Кабель» с единственным повреждением – пробитым передним парусом, «Паламида» с двумя перебитыми веслами, «Лобра» с одним ничтожным повреждением – пробитым деревянным поручнем (филаретом), который шел на стойках вдоль борта, «Сева» с пробитыми на корме флагом и подзориной – узорчатым деревянным или металлическим украшением, галера «Грач», у которой был лишь «1 якорь отрублен»¹⁹² и т. д. Ни у одной галеры (кроме сожженной и затопленной) ущерб не был настолько велик, чтобы можно было говорить об ее выходе из строя. Более того, полученные повреждения можно было сравнительно быстро исправить.

Шведским кораблям в сражении 27 июля 1720 г. был нанесен немалый ущерб. Сам Голицын, как уже говорилось, писал, что одной из причин посадки на мель двух фрегатов стало то, что на них были «снасти перебиты». На гравюре А.Ф. Зубова с изображением Гренгамской баталии также показаны многочисленные пробоины в парусах двух фрегатов, помещенных на переднем плане. Согласно реляции М.М. Голицына, артиллерийский огонь с галер велся и во время преследования ими линейного корабля и других судов шведской

эскадры; в воде плавали доски, сбитые с кормы флагманского корабля неприятеля¹⁹³. Клубы порохового дыма от орудийной стрельбы запечатлены на гравюре А.Ф. Зубова у галер, которые вели погоню за линейным кораблем «Поммерн».

Общим местом в историографии XVIII–XX вв. являются сведения о потерях шведов в сражении 27 июля 1720 г.: 103 убитых и 407 плененных¹⁹⁴. Именно эти сведения содержались в ведомостях при донесении М.М. Голицына Ф.М. Апраксину от 31 июля 1720 г.¹⁹⁵ Они были воспроизведены в выпусках газеты «Ведомости» от 7 августа в Петербурге и от 18 августа 1720 г. в Москве¹⁹⁶, попали через московский выпуск газеты в «Историю Свейской войны»¹⁹⁷. Однако сам Голицын о посылаемых вместе с донесением о Гренгамской победе ведомостях писал: «А, подлинно выправясь, впредь доносить буду, понеже за скоростию не успели...»¹⁹⁸

Именно такое исправленное «Ведение, коликое число на взятых шведских 4-х фрегатах отправляетца морских и сухопутных афицеров и протчих чинов, а кто имяны и которых фрегатов, таже что померло и оставлено в Финляндии»¹⁹⁹ было подготовлено до 18 августа 1720 г., когда захваченные у шведов фрегаты были приняты в Гельсингфорсе капитан-командором Я. ван Гофтом²⁰⁰, имевшим приказ привести их в невскую столицу. Согласно названному «Ведению», в Петербург отправили 402 морских и сухопутных чина, перечисленных поименно, еще один служивший матросом на «Кискине» русский дезертир был оставлен в Гельсингфорсе. Источник сообщает также, что из шведских пленных к тому времени «от ран померло» 8 человек: 4 матроса, 2 солдата и 2 волонтера.

Следовательно, по уточненным после 31 июля 1720 г. россиянами сведениям, шведы потеряли в сражении пленными не 407, но 411 чел. (из которых 8 чел. скончались от полученных ран). С учетом же 103 чел., павших в бою, общие потери противника в личном составе равнялись 514 чел. – точно такие данные содержатся и в «Екстракте о службах» М.М. Голицына²⁰¹. Это число следует рассматривать как неполное: до настоящего времени не введены в научный оборот надежные материалы о потерях в людях на флагманском корабле К.Г. Шеблада и галере капитан-командора Э. Шеблада. Служивший в шведском флоте матросом А.Г. Сисе сообщил на допросе: «...сказывают, на том карабле и галере побито немало, а капитану-камендору Шеблату, которой был на галере, обе ноги перебиты, а о других офицерах не слыхал»²⁰². По Х. Тегенрену, 27 июля 1720 г. погиб ко-

мандор К. Паулин – командир флагманского шведского линейного корабля «Поммерн»²⁰³.

Следовательно, число павших шведов с учетом скончавшихся от ран, по достоверным данным, возрастает до 112 чел., а общий урон у шведов убитыми и пленными – до 515 чел. Остаются неизвестными на нынешнем уровне исследования баталии шведские потери на ушедших от погони шведских кораблях – предполагать их наличие более чем вероятно. В силу вышесказанного, упоминая названные шведские потери павшими и ранеными, следует добавлять слово «не менее».

Русские потери в людях были меньше, чем шведские: 82 погибших, 203 раненых и еще 43 опаленных²⁰⁴ порохом взрывом. Ф.М. Апраксин писал 8 августа 1720 г. брату генерала М.М. Голицына П.М. Голицыну, что победа в Аландских островах достигнута «от нашей стороны без большого убытку»²⁰⁵. Предположение Х. Тегенгрена, что при потере россиянами в сражении 43 галер число погибших нужно полагать многократно заниженным²⁰⁶, теперь следует отставить.

Историки неоднозначно оценивают значение Гренгамского сражения, его влияние на ход Северной войны. Так, видные исследователи русской морской истории А.П. Соколов и Ф.Ф. Веселаго не склонны были придавать ему большого значения. А.П. Соколов писал: «Эта победа, не связанная с общим планом военных действий, набег, потому оставшаяся без влияния на целостность кампании... имела, однако ж, как одна из отважнейших и блестящих побед великое нравственное значение и доставила царю самое искреннее удовольствие»²⁰⁷. Вторит ему и Ф.Ф. Веселаго: «...победа при Гренгаме была отдельным случаем, не имевшим влияния на общий ход войны, и мало ослабила неприятельский флот...»²⁰⁸ Последующим суждением, что Гренгамское сражение имело-таки «то важное значение, что шведский народ и правительства других государств убедились, что, несмотря на заступничество Англии, русские продолжают не только разорять шведскую землю, но берут и военные суда»²⁰⁹, историк вошел в противоречие с ранее высказанной им же оценкой. Напротив, С.Д. Осокин, к примеру, подчеркивал, что значение победы близ Гренгама нельзя сводить лишь к тактическому успеху. Выиграв это морское сражение, русское командование закрепило в своих руках стратегическую позицию – Аландские острова, контролируя которые, галерный флот России ставил под угрозу и шведскую столицу, и другие важнейшие пункты на побережье собственно Швеции²¹⁰.

По нашему мнению, найти убедительный ответ на вопрос о действительном влиянии исхода Гренгамской баталии на развитие международных отношений в Европе можно только опираясь на документальные материалы.

Как рассматривали значение сражения в правящих кругах России, выражено в письме Петра I А.Д. Меншикову, отправленном на второй день после получения известия о произошедшей в Аландских островах баталии, 8 августа: «Правда, немалая виктория может причесться, а наипаче, что при очах господ агличан, которые равно шведов обороняли, как их земли, так и флот»²¹¹. Исход баталии, не являвшейся победой над главными силами шведского флота, таким образом, оценивался Петром I, как «немалая виктория», особенно значимая в условиях военно-политической поддержки Швеции Британией против России.

9 августа 1720 г. из Коллегии иностранных дел в Петербурге к российским министрам при иностранных дворах был разослан циркулярный рескрипт об «одержанной эскадрою российских галер над корабельною и галерною шведскою эскадрою полной и совершенной победе». Дипломаты обязывались лично «с пристойным комплиментом» довести до сведения монарших особ об этой морской виктории и содействовать обнародованию в печати российской реляции о произошедшем сражении²¹². 12 сентября 1720 г. из Петербурга были посланы к российским дипломатам только что напечатанные гравюры о торжественном вводе в Неву несколькими днями ранее, 8 сентября, четырех плененных при Гренгаме шведских фрегатов²¹³.

Однако вести о поражении объединенной корабельной и галерной шведской эскадры в Аландских островах обгоняли официальные реляции и гравюры. В день рассылки официальных печатных реляций о баталии близ Гренгама, 9 августа, русский посол в Копенгагене В.Л. Долгоруков писал в Петербург о сообщенном ему пребывавшим тогда в датской столице британским послом Д. Картеретом известии «о победе российских галер над фрегатами шведскими»²¹⁴. 19 августа 1720 г. полномочный российский министр в Нидерландах Б.И. Куракин, уведомясь, что российские галеры, атаковав шведскую эскадру, взяли 4 фрегата, а «шведский адмирал едва мог спастись», поздравлял Петра I из Гааги с морской победой. Сообщение об этой российской победе на море Б.И. Куракин получил из реляции от 3 (14) августа 1720 г., присланной от голландского резидента в Сток-

гольме²¹⁵. Как приложение при его письме царю находился ее текст на голландском языке²¹⁶ и в русском переводе²¹⁷.

Последний источник целесообразно привести ниже, поскольку он позволяет оценить тот объем и характер сведений о сражении 27 июля 1720 г., которые можно было получить тогда в шведской столице: «...когда адмирал Сиблат одного воинского карабля с четырьмя фрегатами деташировал (послал. – *П.К.*), дабы шоутбенахта (точнее капитан-командора. – *П.К.*) Сиблата, которой с некоторыми ботами для рекогносцирования неприятельских галер и осмотра фарватера отправлен был, прикрыть, то они несколько российских судов на пути усмотрели, которых они хотели атаковать, но оные 4 фрегаты в погоне на мель стали, что все около того места бывшие галеры усмотря, туды пошли и по жестоком бою оных четырех фрегатов преодолели. Господин вице-адмирал Сиблат насилиу ушел»²¹⁸. Нидерландский дипломат, делая выводы насчет политических последствий баталии, заключал, что в Стокгольме стихли разговоры о возможности высадки шведских войск в Финляндии и распространилось мнение, что исход сражения подтолкнет правящие круги Швеции «к примирению с царем»²¹⁹. Для всеобщего известия цитированная реляция из Стокгольма была напечатана в амстердамской газете на французском языке 23 августа (3 сентября) 1720 г.²²⁰

Российский обер-аудитор Эрдман сообщал в Коллегию иностранных дел в донесении от 26 августа 1720 г. о выказанной по случаю этой победы русского флота австрийским дипломатом в Данциге «великой радости, а от гданчан боязни»²²¹. На следующий день, 27 августа, писал из Берлина об обнаружении сведений о победе русских галер посол в Пруссии А.Г. Головкин²²².

Морская победа, одержанная в непосредственной близости от шведской столицы, вести о которой все далее и далее расходились по Европе, имела большой отклик в политических кругах столиц великих держав. Российский посланник в Вене П.И. Ягужинский, получив из Петербурга в конце августа 1720 г. печатную реляцию о «славной и совершенной виктории» в Аландских островах, немедленно отдал ее печатать «для всенародного известия». Ее содержание сообщалось П.И. Ягужинским «знатным персонам». 30 августа 1720 г. дипломат на испрошенной по случаю этого события официальной аудиенции объявил о победе русского флота императору. Карл VI в ответном слове заявил, что, как «верный друг» российского монарха, заинтересован в его «благополучии» и «безпрерывнаго

тому продолжения желает»²²³. 31 августа 1720 г. П.И. Ягужинский посетил прославленного полководца принца Евгения Савойского и также известил его о российской виктории над шведским флотом. Принц Евгений выслушал русского дипломата «зело учтиво и с благодарностью», расспрашивал его обо всех подробностях сражения, о российских галерах, их артиллерийском вооружении, численности экипажей. П.И. Ягужинский, как непосредственный участник Гангутской баталии 27 июля 1714 г., мог обстоятельно ответить на такого рода вопросы австрийского полководца, требующие особых знаний²²⁴.

Российский дипломат П.И. Мусин-Пушкин писал 8 сентября 1720 г. из Парижа царю, что, когда российский полномочный министр во Франции Г.Х. фон Шлейниц объявил регенту Франции Филиппу Орлеанскому в присутствии иностранного дипломатического корпуса о победе русского флота в Аландских островах, шведский посол граф Э.А. Спарре «изменился в лице и пошел ис камор-аудиенции вон», а британский министр, как можно было заметить, хотя и пытался скрыть произведенное впечатление, также «велми был смутен»²²⁵.

Стремление Петра I извлечь прямые внешнеполитические выгоды из победы русского галерного флота в Аландских островах налицо. На третий день после того, как в Петербурге стало известно об этой «немалой виктории», царь отправил в Швецию с дипломатической миссией – поздравить вступившего на престол нового шведского короля Фредрика I и его супругу Ульрику-Элеонору – своего генерал-адъютанта гвардии майора А.И. Румянцева²²⁶. Политическая подоплека этого дипломатического шага была очевидна – повод и фактически косвенное предложение завязать переговоры об окончании Северной войны. Сентябрьский выпуск выходявшего в Париже ежемесячника так и объяснял читателям задачи посольства А.И. Румянцева: «...поздравить короля с получением короны и одновременно объявить последнее намерение Его Царского Величества относительно мира»²²⁷.

Отъезд А.И. Румянцева из Петербурга «по отправлении от Его Царского Величества» несколько задержался и последовал 17 августа 1720 г.²²⁸ Оказанный А.И. Румянцеву в Швеции прием был значительно лучше, чем тот, который получил годом раньше А.И. Остерман, когда шведские правящие верхи возлагали большие надежды на военную помощь британского флота²²⁹. В продолжение всей церемонии вручения королю грамоты Петра I и обмена речами в королевском дворце 16 сентября 1720 г. Фредрик I стоял – знак особого

уважения²³⁰. На приеме 2 октября 1720 г. в Коллегии-канцелярии канцлер граф А.Б. Горн и государственный секретарь Д.Н. Гепкен сами обратились к А.И. Румянцеву с вопросом, нет ли у него указа царя «предлагать о мире»²³¹. Этот вопрос показывал перелом в настроениях шведских правительственных кругов относительно подписания мирного трактата с Россией. Ответ А.И. Румянцева, в соответствии с данными ему установками, отличаясь сдержанностью, был призван тем не менее не разрушить возникших у шведов мыслей о своевременности начала переговоров о мире. Дипломат заявил, что «весьма не имеет ничего предлагать более», но если со шведской стороны «на то склонность имеетца», то следует условиться о месте переговоров²³². На следующий день, 3 октября, шведские министры повторно осведомились у А.И. Румянцева, не имеет ли он полномочий «о мире соглашатца», и просили его донести Петру I о воле Фредрика I во время будущих переговоров «не токмо армистициум (перемирие. – П.К.) зделать, но и о мире трактовать»²³³. После же того как русский дипломат потребовал отпуска в Россию, ему была высказана просьба не спешить с отъездом, поскольку королю «персона его... не неприятна есть»²³⁴.

За день до отъезда А.И. Румянцева из шведской столицы обратно в Россию его посетил государственный секретарь Д.Н. Гепкен и заявил, что Фредрик I прислал его сообщить «последнее свое намерение». Шведский король доводил через Румянцева до сведения царя, что он желает вступить в переговоры о заключении перемирия, но... «таким образом, чтоб с обеих сторон министры имели полную мочь прямо о мире трактовать»²³⁵. Переговоры о перемирии должны были по предложению шведского короля перерасти в согласование условий общего мира «на Севере». Петру I, следовательно, удалось заставить шведов первыми обратиться с просьбой о начале переговоров о завершении Северной войны.

Фредрик I предлагал назначить местом мирного конгресса Або. Сообщая об этом, Д.Н. Гепкен, как сказано в дневнике посольства А.И. Румянцева, «якобы из себя за смех говорил, что... Алант или иной какой остров к таковому делу несчастливы»²³⁶: прозрачный намек и на бесплодный исход Аландского конгресса 1718–1719 гг., и на разгром шведской эскадры 27 июля 1720 г. в Аландском архипелаге. 17 октября 1720 г. Румянцев выехал из шведской столицы в Россию²³⁷. С апреля 1721 г. в городе Ништадте начал работу конгресс, задачей которого было определение условий мирного договора между

Швецией и Россией, и 30 августа того же года полномасштабный договор, завершивший Северную войну, был подписан – в этом историческом событии был и отголосок Гренгамской виктории 1720 г.

¹ ОРК РНБ. Инв. № 503. С. 6; Инв. № 504. С. 6. – Корректированные экземпляры «Ведомостей» от 7 и 18 августа 1720 г.

² Московский выпуск «Ведомостей» в отличие от петербургского содержит имена плененных шведских штаб- и обер-офицеров; захваченный фрегат «Кискин» («Кискен») неточно назван в выпуске от 18 августа «Сискеном» и т. д.

³ «Гистория Свейской войны» первоначально была издана под заглавием «Журнал, или Поденная записка... Петра Великого...» (СПб., 1772. Ч. 2. С. 135–142); Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). 2-е изд. М., 2004. Вып. 1. С. 510–514.

⁴ *Алексеева М.А.* Гравюра Петровского времени. Л., 1990. С. 162.

⁵ [*Орфелин З.*] Житие и славные дела государя императора Петра Великого, самодержца Всероссийского с предположением краткой географической и политической истории о Российском царстве. Венеция, 1772. Ч. 2. С. 221.

⁶ *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1789. Ч. 7. С. 126.

⁷ Там же. С. 125–129.

⁸ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1.

⁹ *Берх В.Н.* Историческое известие о морской Гренгамской баталии // Славянин. 1828. Ч. 5, № 5. С. 149–157.

¹⁰ Там же. С. 149.

¹¹ *Пешич С.Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1971. Ч. 3. С. 122–123.

¹² *Соколов А.П.* Морские кампании 1715–1721 гг. // Морской сборник. 1851. № 4. С. 302–303.

¹³ МИРФ. СПб., 1865. Ч. 2.

¹⁴ *Веселаго Ф.Ф.* Очерк русской морской истории. СПб., 1875. С. 338–341.

¹⁵ *Богуславский Г.А.* Битва при Гренгаме (27 июля 1720 г.) // Исторический журнал. 1940. № 8. С. 68–69; *Тельпуховский Б.С.* Северная война 1700–1721. Полководческая деятельность Петра I. М., 1946. С. 163–164; *Тарле Е.В.* Русский флот и внешняя политика Петра I. 3-е изд. СПб., 1994. С. 148.

¹⁶ *Осокин С.Д.* Победа русского флота у Гренгама: Историческая справка к 235-летию со дня боя // Морской сборник. 1955. № 7. С. 89–94.

¹⁷ *Фейгина С.А.* Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 503–504.

¹⁸ Морской атлас. Т. 3, ч. 1: Описания к картам. М., 1959. С. 229–230.

¹⁹ История Северной войны 1700–1721 гг. М., 1987. С. 168–170; *Доценко В.Д.* 1. Битвы Российского флота: XVIII–XX вв. СПб., 1998. С. 34–39; 2. Морские битвы России XVIII–XX вв. СПб., 1999. С. 25–29.

²⁰ *Золотарев В.А., Козлов И.А.* Три столетия Российского флота, XVIII век. СПб., 2003. С. 253–259.

²¹ *Кротов П.А.* 1. Гренгамское сражение 1720 г. по новым источникам: мифы и факты // Петр Великий и его время: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 290-летию Полтавской победы, 8–11 июля 1999 г. СПб., 1999.

С. 84–87; 2. Российский флот на Балтике при Петре Великом : Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 1999. С. 25–27; 3. Северная война. 1700–1721 // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия. СПб., 2001. Т. 1, кн. 2. С. 296; 4. Гренгамская победа русского флота 27 июля 1720 г. в контексте проблемы международно-правового завершения Северной войны 1700–1721 гг. // XIV конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. М., Архангельск, 2001. С. 57–58; 5. К решению проблемы безопасности Санкт-Петербурга в начале XVIII в.: из истории морского сражения у Гренгама // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной международной научной конференции. СПб., 2002. С. 54–64.

²² La clef du cabinet des princes de l'Europe, ou Recueil historique et politique sur les matiéres du tems. Luxembourg, 1720. Т. 33. Р. 582.

²³ Уменьшенное воспроизведение гравюры см.: *Tegengren H.* Stora nordiska krigets sista sjustrid // Acta Academiae Aboensis humaniora. XIV. 3. 1942. S. 20.

²⁴ [Орфелин З.] Житие и славные дела государя императора Петра Великого... С. 220–221.

²⁵ *Gyllengranat C.A.* Sveriges sjukrigs-historia i sammandrag. Carlskrona, 1840. D. 2. S. 17–18.

²⁶ [Mankell J.J.] Studier cver svenska skdrgerds-flottans historia, krigssdtt och anvndande vid sveriges fursvar. Stockholm, 1855. S. 33–34.

²⁷ *Wrangel H.* Kriget i Цstersjун 1719–1721. Stockholm, 1906. D. 2.

²⁸ *Anderson R.C.* Naval wars in the Baltic during the sailing-ship epoch 1522–1850. London, 1910. P. 200–202. Историк использовал «Материалы для истории русского флота» (Ч. 2), «Очерк...» Ф.Ф. Веселаго и его же «Список русских военных судов с 1668 по 1860 год» (СПб., 1872).

²⁹ *Tegengren H.* Stora nordiska krigets sista sjustrid. S. 3–37; *Hornborg E.* 1. Karl Siцblad och slaget vid Flisц // Skrifter utg. av Sjuдhistoriska Samfundet. 1944. IV. S. 42–68; 2. Kampen om Цstersjун till slutet av segelfartygens tidevarv. Stockholm, 1945. S. 285–288.

³⁰ Svenska flottans historia. Malmц, 1943. Bd. 2. S. 152–153.

³¹ *Dreijer S.* Slaget vid Flisцberg 1720 // Eldndsk odling: 49:e ergengen. Mariehamn, 1990. S. 143–152.

³² РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 257. Л. 329.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ *Соймонов Ф.И.* Светильник морской... СПб., 1738. С. 26; карта 9.

³⁶ МИРФ. Ч. 2. С. 500. Ср.: Там же. С. 495.

³⁷ Там же. С. 499.

³⁸ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 144.

³⁹ *Веселаго Ф.Ф.* Очерк... С. 338, 340.

⁴⁰ *Богуславский Г.А.* Битва при Гренгаме... С. 69; *Тельпуховский Б.С.* Северная война... С. 163; *Осокин С.Д.* Победа русского флота у Гренгама... С. 91; *Фейгина С.А.* Аландский конгресс... С. 504; История Северной войны 1700–1721 гг. С. 168; *Доценко В.Д.* 1. Битвы Российского флота... С. 34, 38; 2. Морские битвы России... С. 29; *Tegengren H.* Stora nordiska krigets sista sjustrid. S. 19; *Hornborg E.* 1. Karl Siцblad och slaget vid Flisц. S. 54; 2. Kampen om Цstersjун ... S. 287; *Dreijer S.* Slaget... S. 149.

⁴¹ Морской атлас. Т. 3, ч. 1: Описания к картам. С. 229.

⁴² ОР РНБ. Ф. 885. Оп. 1. Д. 529. С. 91. – Список «Екстракта о службах» М.М. Голицына второй половины XVIII в. Опубликованный в Сборнике военно-истори-

ческих материалов (СПб., 1892. Вып. 1. С. 315–326) текст «Экстракта» изложен современным языком, имеет неточности в прочтении, поэтому он везде перепроверен по списку ОР РНБ.

⁴³ МИРФ. Ч. 2. С. 506; Сб. ВИМ. Вып. 1. С. 323.

⁴⁴ ОР РНБ. Ф. 885. Оп. 1. Д. 529. С. 91; Сб. ВИМ. Вып. 1. С. 323–324.

⁴⁵ Голиков И.И. Деяния Петра Великого... Ч. 7. С. 125; Соколов А.П. Морские кампании 1715–1721 гг. С. 302–303.

⁴⁶ Сб. ВИМ. Вып. 1. С. 324.

⁴⁷ *Dreijer S. Slaget...* S. 147.

⁴⁸ В протоколе допроса Н. Блуна малый фрегат «Пақан» назван шнявой «Лакан».

⁴⁹ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 159 об., 161 об.

⁵⁰ Там же. Л. 161 об.

⁵¹ МИРФ. Ч. 2. С. 506.

⁵² *Dreijer S. Slaget...* S. 147–148.

⁵³ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 161 об.

⁵⁴ МИРФ. Ч. 2. С. 506.

⁵⁵ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 160.

⁵⁶ МИРФ. Ч. 2. С. 506.

⁵⁷ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 147; МИРФ. Ч. 2. С. 506. Текст донесения М.М. Голицына Ф.М. Апраксину опубликован в МИРФ (Ч. 2. С. 506–507) с погрешностями, пропусками, осовремениванием языка, поэтому в случае необходимости даются ссылки на рукопись.

⁵⁸ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 147.

⁵⁹ МИРФ. Ч. 2. С. 506.

⁶⁰ ОР РНБ. Ф. 885. Оп. 1. Д. 529. С. 91 об.; Сб. ВИМ. Вып. 1. С. 324.

⁶¹ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 147 об.; МИРФ. Ч. 2. С. 506.

⁶² РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 147 об.

⁶³ *Anderson R.C. Naval wars...* P. 202; *Tegengren H. Stora nordiska krigets sista sjustrid.* S. 18–19; *Hornborg E. 1. Karl Sjöblad och slaget vid Flisö. S. 50; 2. Kampen om Östersjön...* S. 285; *Svenska flottans historia.* Bd. 2. S. 152; *Dreijer S. Slaget...* S. 148.

⁶⁴ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 192. Л. 208 об.

⁶⁵ Там же. Д. 179. Л. 159.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. Л. 165, 167.

⁶⁸ Там же. Л. 163, 164 об. – «Допросные речи» командиров «Стор Феникса» и «Венкера» капитанов Х. Фегерштролле и А. Фалкенгрена.

⁶⁹ Там же. Л. 166 об.

⁷⁰ Там же. Л. 164 об.

⁷¹ *Tegengren H. Stora nordiska krigets sista sjustrid.* S. 19; *Hornborg E. 1. Karl Sjöblad och slaget vid Flisö. S. 48; 2. Kampen om Östersjön...* S. 285; *Dreijer S. Slaget...* S. 148.

⁷² РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 163.

⁷³ Там же. Л. 166 об.–167.

⁷⁴ Там же. Л. 166 об.

⁷⁵ *Ден Д.* История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1999. С. 100, 102.

⁷⁶ МИРФ. Ч. 2. С. 514.

⁷⁷ *Hornborg E. Karl Sjöblad och slaget vid Flisö. S. 48.*

⁷⁸ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 147 об.

⁷⁹ Сб. ВИМ. Вып. 1. С. 324.

⁸⁰ МИРФ. Ч. 2. С. 506.

⁸¹ Голиков И.И. Деяния Петра Великого... Ч. 7. С. 126.

⁸² РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

⁸³ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 257. Л. 358.

⁸⁴ Голиков И.И. Деяния Петра Великого... Ч. 7. С. 126.

⁸⁵ МИРФ. Ч. 2. С. 506.

⁸⁶ Морской атлас. Т. 3, ч. 1: Описания к картам. С. 229; История Северной войны 1700–1721 гг. С. 168; *Доценко В.Д.* 1. Битвы Российского флота... С. 34; 2. Морские битвы России... С. 26; *Золотарев В.А., Козлов И.А.* Три столетия Российского флота, XVIII век. С. 254.

⁸⁷ МИРФ. Ч. 2. С. 506.

⁸⁸ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 159–168 об.

⁸⁹ Названное донесение М.М. Голицына содержит такие слова: «...и взятые на тех судах офицеры допрашиваны, которых допросные речи... при сем посылаю» (МИРФ. Ч. 2. С. 507).

⁹⁰ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 192. Л. 550.

⁹¹ Там же. Л. 549–549 об.

⁹² Это могли быть однотипные «Пеликану» галеры «Феникс» либо «Сван» (*Wrangel H. Kriget i Цstersjцn 1719–1721. Stockholm, 1906. D. 1. S. 138; D. 2. Bil. VI.*)

⁹³ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 159, 162, 164 об.–165, 166, 166 об.

⁹⁴ Там же. Д. 192. Л. 550.

⁹⁵ Название бригаантины в документе искажено: «Икгорн».

⁹⁶ *Осокин С.Д.* Победа русского флота у Гренгама... С. 91.

⁹⁷ Морской атлас. М., 1958. Т. 3, ч. 1. Л. 12. Карта «Г».

⁹⁸ *Золотарев В.А., Козлов И.А.* Три столетия Российского флота, XVIII век. С. 254.

⁹⁹ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 120. Л. 118–191 об.

¹⁰⁰ *Кротов П.А.* Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996. С. 36–40.

¹⁰¹ Там же. С. 38.

¹⁰² РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 120. Л. 120, 127 об., 130, 136 об., 145, 153 об., 154, 169, 181, 183; Ф. 212. Оп. 1725 г. Д. 18. Л. 42–46; Ф. 232. Оп. 1. Д. 1. Л. 125; Д. 3. Л. 19; РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 40. Л. 444–445, 469 об.–470 об., 477.

¹⁰³ МИРФ. Ч. 2. С. 508.

¹⁰⁴ *Wrangel H. Kriget i Цstersjцn 1719–1721. D. 2. S. 277.*

¹⁰⁵ См.: *Кротов П.А.* К решению проблемы безопасности Санкт-Петербурга в начале XVIII в.: из истории морского сражения у Гренгама. С. 61–62.

¹⁰⁶ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 192. Л. 208 об.

¹⁰⁷ Там же. Д. 179. Л. 159 об. Показание Я. Сейдера, на наш взгляд, заслуживает наибольшего доверия. Его высокая достоверность подтверждается близостью других данных. Согласно составленному по допросам пленных шведских офицеров «Реэстру линее, учиненной к баталии, швецких судов», на вооружении галеры «Пеликан» в день сражения имелись 3 пушки и 24 баса (РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 192. Л. 550), в январе же 1719 г. – 2 пушки и 14 басов (*Wrangel H. Kriget i Цstersjцn 1719–1721. D. 1. S. 138.*)

¹⁰⁸ *Wrangel H. Kriget i Цstersjцn 1719–1721. D. 2. Bil. VII.*

¹⁰⁹ Морской атлас. Т. 3, ч. 1: Описания к картам. С. 229; История Северной войны 1700–1721 гг. С. 168; *Аммон Г.А.* Морские памятные даты. М., 1987; *Dreijer S. Slaget...* S. 151.

- ¹¹⁰ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 192. Л. 194–194 об.; МИРФ. Ч. 2. С. 508–509.
- ¹¹¹ *Кротов П.А.* Гангутская баталия 1714 года. С. 41–43.
- ¹¹² МИРФ. Ч. 2. С. 510.
- ¹¹³ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 153 об.
- ¹¹⁴ *Tegengren H.* Stora nordiska krigets sista sjustrid. S. 19.
- ¹¹⁵ Ibid.
- ¹¹⁶ *Gyllengranat C.A.* Sveriges sjukriks-historia i sammandrag. D. 2. S. 17; *Mankell J.* Studier... S. 34; *Anderson R.C.* Naval wars... P. 202; *Tegengren H.* Stora nordiska krigets sista sjustrid. S. 19; *Dreijer S.* Slaget... S. 149.
- ¹¹⁷ *Dreijer S.* Slaget... S. 149.
- ¹¹⁸ *Gyllengranat C.A.* Sveriges sjukriks-historia i sammandrag. D. 2. S. 17; *Mankell J.* Studier... S. 34; *Dreijer S.* Slaget... S. 149.
- ¹¹⁹ ОР РНБ. Ф. 885. Оп. 1. Д. 529. С. 91 об.
- ¹²⁰ МИРФ. Ч. 2. С. 506.
- ¹²¹ ОР РНБ. Ф. 885. Оп. 1. Д. 529. С. 91 об.
- ¹²² Генеральные сигналы в российском гребном флоте его величества. СПб., 1715, апреля 12. С. 5.
- ¹²³ *Hornborg E.* Karl Siцblad och slaget vid Flisц. S. 50.
- ¹²⁴ МИРФ. Ч. 2. С. 506.
- ¹²⁵ Там же. С. 510.
- ¹²⁶ *Hornborg E.* Karl Siцblad och slaget vid Flisц. S. 50.
- ¹²⁷ См.: *Кротов П.А.* К решению проблемы безопасности Санкт-Петербурга в начале XVIII в.: из истории морского сражения у Гренгама. С. 59.
- ¹²⁸ ОР РНБ. Ф. 885. Оп. 1. Д. 529. С. 91 об.–92; Сб. ВИМ. Вып. 1. С. 324.
- ¹²⁹ *Ден Д.* История Российского флота в царствование Петра Великого. С. 100, 102.
- ¹³⁰ Голиков И.И. Деяния Петра Великого... Ч. 7. С. 126.
- ¹³¹ МИРФ. Ч. 2. С. 506–507.
- ¹³² *Gyllengranat C.A.* Sveriges sjukriks-historia i sammandrag. D. 2. S. 17; *Mankell J.* Studier... S. 34; *Svenska flottans historia.* Bd. 2. S. 153; *Tegengren H.* Stora nordiska krigets sista sjustrid. S. 19; *Hornborg E.* 1. Karl Siцblad och slaget vid Flisц. S. 51; 2. Kampen om Цstersjцn... S. 285; *Dreijer S.* Slaget... S. 149.
- ¹³³ *Anderson R.C.* Naval wars... P. 202.
- ¹³⁴ Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оные. СПб., 1830. Ч. 4. С. 270; МИРФ. Ч. 2. С. 507.
- ¹³⁵ Сб. ВИМ. Вып. 1. С. 324
- ¹³⁶ *Берх В.Н.* Историческое известие о морской Гренгамской баталии. С. 152.
- ¹³⁷ *Богуславский Г.А.* Битва при Гренгаме... С. 69.
- ¹³⁸ *Осокин С.Д.* Победа русского флота у Гренгама... С. 93.
- ¹³⁹ История Северной войны 1700–1721 гг. С. 169.
- ¹⁴⁰ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 147 об.
- ¹⁴¹ История Свейской войны... Вып. 1. С. 512–513.
- ¹⁴² РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 162 об.
- ¹⁴³ История Свейской войны... Вып. 1. С. 512–513.
- ¹⁴⁴ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 164, 166.
- ¹⁴⁵ *Wrangel H.* Kriget i Цstersjцn 1719–1721. D. 2. Bil. VI.
- ¹⁴⁶ *Hornborg E.* Karl Siцblad och slaget vid Flisц. S. 51.
- ¹⁴⁷ *Берх В.Н.* Историческое известие о морской Гренгамской баталии. С. 152.
- ¹⁴⁸ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1770 г. Д. 13. Л. 10.

¹⁴⁹ *Кротов П.А.* К решению проблемы безопасности Санкт-Петербурга в начале XVIII в.: из истории морского сражения у Гренгама. С. 60.

¹⁵⁰ *Нащокин В.А.* Записки. СПб., 1842. С. 7–8.

¹⁵¹ МИРФ. Ч. 2. С. 508; РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 192. Л. 194; Д. 188. Л. 247, 372–399 об.

¹⁵² РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 151.

¹⁵³ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 40. Л. 444–445.

¹⁵⁴ За год до сражения, в июне 1719 г., экипаж «Хариуса» насчитывал 145 армейских и 8 морских чинов – всего 153 чел. (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 40. Л. 444–445).

¹⁵⁵ МИРФ. Ч. 2. С. 509–510.

¹⁵⁶ *Веселаго Ф.Ф.* Очерк... С. 340.

¹⁵⁷ *Тельпуховский Б.С.* Северная война... С. 164.

¹⁵⁸ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 153.

¹⁵⁹ Там же. Л. 149.

¹⁶⁰ La clef du cabinet des princes de l'Europe... 1720. Octobre. Luxembourg, 1720. Т. 33. Р. 408.

¹⁶¹ *Drejjer S.* Slaget... S. 149.

¹⁶² Ibid. S. 150.

¹⁶³ *Hornborg E.* Karl Siublad och slaget vid Flisц. S. 50.

¹⁶⁴ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 147 об.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ *Берх В.Н.* Историческое известие о морской Гренгамской баталии. С. 153.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ *Gyllengranat C.A.* Sveriges sjuckrigs-historia i sammandrag. D. 2. S. 17.

¹⁶⁹ *Mankell J.* Studier... S. 34;

¹⁷⁰ Svenska flottans historia. Bd. 2. S. 153.

¹⁷¹ МИРФ. Ч. 2. С. 507.

¹⁷² РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 149–151.

¹⁷³ Есть отрывочное известие, что командир севшей на мель островской лодки поручик Закрюковский «ис пушки выпалил» по приближавшимся шведским судам в стычке 20 июня 1720 г. в Аландских островах (РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 143).

¹⁷⁴ МИРФ. Ч. 2. С. 508.

¹⁷⁵ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 149–151.

¹⁷⁶ *Веселаго Ф.Ф.* Очерк... С. 340.

¹⁷⁷ МИРФ. Ч. 2. С. 510.

¹⁷⁸ Название галеры передано в опубликованном извлечении из ведомости неточно: «Вальфиш» вместо правильного чтения «Весфиш» (РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 150).

¹⁷⁹ Имеющаяся в архивной ведомости формулировка при издании в «Материалах» серьезно переиначена (Ср.: РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 150).

¹⁸⁰ *Anderson R.C.* Naval wars... P. 202.

¹⁸¹ *Фейгина С.А.* Аландский конгресс... С. 504; *Доценко В.Д.* 1. Битвы Российского флота... С. 38; 2. Морские битвы России... С. 29.

¹⁸² *Богуславский Г.А.* Битва при Гренгаме... С. 69; *Тарле Е.В.* Русский флот... С. 148; История Северной войны 1700–1721 гг. С. 170.

¹⁸³ *Drejjer S.* Slaget... S. 151.

¹⁸⁴ *Золотарев В.А., Козлов И.А.* Три столетия Российского флота, XVIII век. С. 257.

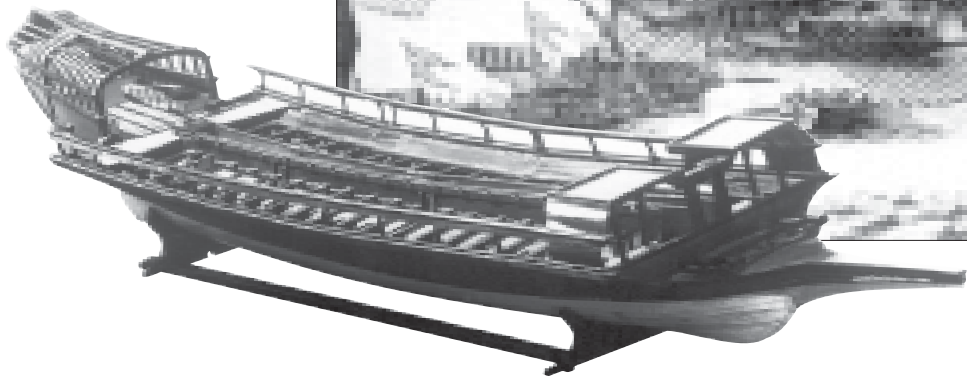
- ¹⁸⁵ *Осокин С.Д.* Победа русского флота у Гренгама... С. 93.
- ¹⁸⁶ Морской атлас. Т. 3, ч. 1: Описания к картам. С. 230.
- ¹⁸⁷ См.: *Кротов П.А.* Гренгамское сражение 1720 г. по новым источникам: мифы и факты. С. 86.
- ¹⁸⁸ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 149–151.
- ¹⁸⁹ Там же. Л. 150.
- ¹⁹⁰ Там же. Л. 154.
- ¹⁹¹ *Dreijer S. Slaget...* S. 152.
- ¹⁹² К настоящему времени в непосредственной близости от места Гренгамского сражения (300–500 м) в проливе Флисесунд обнаружены 2 схожих якоря, относящихся к началу XVIII в. Они подняты со дна и выставлены для обозрения на берегу на вымощенной камнем площадке (*Dreijer S. Slaget...* S. 150–152).
- ¹⁹³ МИРФ. Ч. 2. С. 507.
- ¹⁹⁴ *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого... С. 127; *Соколов А.П.* Морские кампании 1715–1721 гг. С. 303; *Веселаго Ф.Ф.* Очерк... С. 339; *Богуславский Г.А.* Битва при Гренгаме... С. 69; *Тельпуховский Б.С.* Северная война... С. 164; *Тарле Е.В.* Русский флот... С. 148; *Осокин С.Д.* Победа русского флота у Гренгама... С. 93; Морской атлас. Т. 3, ч. 1: Описания к картам. С. 230; *Фейгина С.А.* Аландский конгресс... С. 504; История Северной войны 1700–1721 гг. С. 170; *Аммон Г.А.* Морские памятные даты. С. 57; *Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1990. С. 420; *Dreijer S. Slaget...* S. 151; *Доценко В.Д.* 1. Битвы Российского флота... С. 35; 2. Морские битвы России... С. 29; *Золотарев В.А., Козлов И.А.* Три столетия Российского флота, XVIII век. С. 257.
- ¹⁹⁵ МИРФ. Ч. 2. С. 508.
- ¹⁹⁶ ОРК РНБ. Инв. № 503. С. 13; Инв. № 504. С. 12. – Корректированные экземпляры «Ведомостей» от 7 и 18 августа 1720 г.
- ¹⁹⁷ Журнал, или Поденная записка ... Петра Великого... Ч. 2. С. 141.
- ¹⁹⁸ МИРФ. Ч. 2. С. 507.
- ¹⁹⁹ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 175–181.
- ²⁰⁰ Там же. Л. 183.
- ²⁰¹ ОР РНБ. Ф. 885. Оп. 1. Д. 529. С. 92–92 об.; Сб. ВИМ. Вып. 1. С. 324.
- ²⁰² РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 192. Л. 208 об.
- ²⁰³ *Tegengren H.* Stora nordiska krigets sista sjustrid. S. 22, 27.
- ²⁰⁴ МИРФ. Ч. 2. С. 509–510.
- ²⁰⁵ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 257. Л. 363.
- ²⁰⁶ *Tegengren H.* Stora nordiska krigets sista sjustrid. S. 29–30.
- ²⁰⁷ *Соколов А.П.* Морские кампании 1715–1721 гг. С. 302.
- ²⁰⁸ *Веселаго Ф.Ф.* Очерк... С. 340.
- ²⁰⁹ Там же.
- ²¹⁰ *Осокин С.Д.* Победа русского флота у Гренгама... С. 93.
- ²¹¹ Цит. по: *Фейгина С.А.* Аландский конгресс... С. 504.
- ²¹² Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 37. Л. 53.
- ²¹³ Там же. Л. 85 об.
- ²¹⁴ Там же. Л. 75.
- ²¹⁵ АВПРИ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 5, ч. 2. Л. 489.
- ²¹⁶ Там же. Л. 491.
- ²¹⁷ Там же. Л. 493.
- ²¹⁸ Там же.

- ²¹⁹ Там же. Л. 493 об.
- ²²⁰ Suite des nouvelles d'Amsterdam. Amsterdam, 1720. Du 3 Septembre. P. 1.
- ²²¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 37. Л. 80 об.
- ²²² Там же. Л. 84.
- ²²³ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 65. Л. 70–70 об.
- ²²⁴ Там же. Л. 71.
- ²²⁵ Там же. Ф. 9. Отд. 2. Д. 41. Л. 548–548 об.
- ²²⁶ Гистория Свейской войны... Вып. 1. С. 514.
- ²²⁷ Le nouveau Mercure. Paris, 1720, Septembre. P. 117.
- ²²⁸ ОР РНБ. Ф. 885. Оп. 1. Д. 529. С. 63.
- ²²⁹ *Фейгина С.А.* Аландский конгресс... С. 504.
- ²³⁰ ОР РНБ. Ф. 885. Оп. 1. Д. 529. С. 84–85.
- ²³¹ Там же. С. 105.
- ²³² Там же. С. 105–106.
- ²³³ Там же. С. 106–107.
- ²³⁴ Там же. С. 110–111.
- ²³⁵ Там же. С. 127–128.
- ²³⁶ Там же. С. 129.
- ²³⁷ Там же. С. 132.

Михаилъ Миколайчъ Голицынъ

*М.М. Голицын.
Портрет кисти
неизвестного
художника.
1710–1720-е гг. ГИМ.
Подпись
М.М. Голицына.
РГАВМФ*

*Модель русской 18-баночной полугалеры
«турецкого манера» «Фивра»
(1714–1723). Первая половина XVIII в.
ЦВММ*

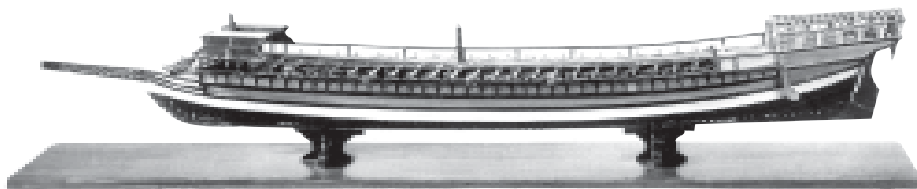
*Гравюра А.Ф. Зубова «Баталия
при Гренгаме». Конец 1720 –
начало 1721 гг.*

Гравюра А.Ф. Зубова
«Торжественный
ввод в Санкт-Петер-
бург четырех швед-
ских фрегатов».
1720 г.

34-пушечный фрегат
«Стор Феникс».
Фрагмент гравюры

Модель русской 22-баночной полугалеры «турецкого манира» времени
Петра I. Первая половина XVIII в. ЦВММ